КРОКОДИЛ

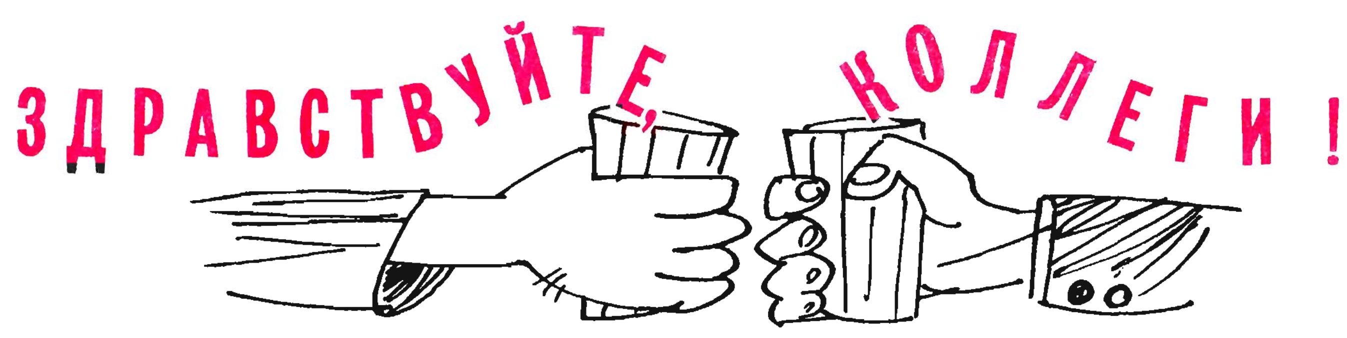
НА МИРНЫХ ТРАССАХ

— Караул! Воздушная тревога!

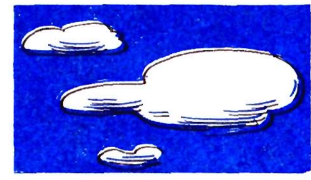
Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

ЗДРАВСТВУЙТЕ, КОЛЛЕГИ!

Облака с утра показывали «выпить». Они бежали по голубому небу, сочетаясь в бутылку, повернутую горлышком на запад.

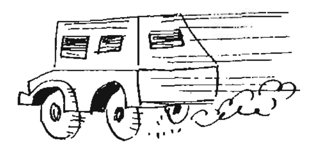

— Предрассудки, — сказал товарищ Красько, но сказал грустно.— Ничего такого не будет. Если только сами не приобретем.

Заместителю директора ответил парторг Алексей Павлович.

— Не хандрите, Валя,— сказал парторг.— День кончится радостью. Это я говорю, Врацкий.

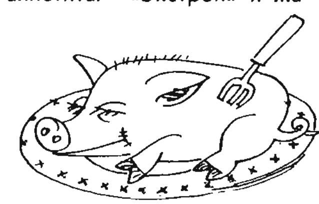
Делегация села в автомобиль и покатила на запад, куда указывала бутылка.

Там, за горизонтом, существовал, не подозревая о близком вторжении, хлебоприемный пункт станицы Григорополисская.

За окнами автомобиля неслись родные поля. Бухгалтер Самохвалов потирал руки.

— А мы-то их чем потчевали? — вспоминал он просто так, для возбуждения аппетита.— «Экстрой» и жа-

реным поросенком Митей с молодым картофелем. Не ударят же они в грязь лицом, я полагаю.

Член делегации Алтухов по пальцам пересчитал едущих.

— Их меньше было,— с сомнением произнес он.— А нас шестеро плюс шофер Борис Петрович. Борис Петрович тоже пьет, хоть и не член делегации.

— Ничего такого не будет, — сказал товарищ Красько, но сказал грустно.— Я бутерброд взял. С жареными кабачками.

Он был неопытен, заместитель директора... И года не числился он на должности.

Автомобиль прокатил шестьдесят километров и замер, качнувшись, у конторы Григорополисского хлебоприемного пункта.

— Здравствуйте, коллеги! — сказал Алексей Павлович и помахал над головой многоопытной рукою.— Хлебоприемный пункт «Передовой», Изобильненского района, прибыл в нашем лице для проверки ваших соцобязательств. Или мы не соревнуемся с вами, григорополисцы? — пошутил он.

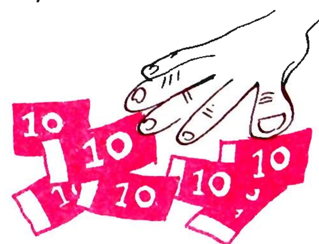
— Ну уж! — ответили григорополисцы хором.

Директор проверяемого пункта Уваров толкнул локтем председателя месткома Татаренкова. Тот шепотом сказал «Ага!» и растворился в пространстве.

— Черкашину Анну! — крикнул он гулким голосом.— Незамедлительно!

Завхоз детского сада Черкашина Анна возникла перед ним, страдая от рвения.

— Вот тебе месткомовские червонцы, Анна, — сказал Татаренков,— и организуй на уровне. Мы соревнуемся с ними.

А тем временем директор проверяемого пункта Уваров говорил, стесняясь:

— Вы не известили заблаговременно. Придется подождать немного. Походим, может быть, по территории?

— Ну уж! — ответила делегация и отправилась ходить по территории.

Бухгалтер Самохвалов замыкал шествие. Иногда он останавливался и втягивал носом воздух.

— Не пахнет,— жаловался он товарищу Красько, который возглавлял делегацию.— Мы их — жареным Митькой с молодым картофелем, а у них и говядиной не пахнет.

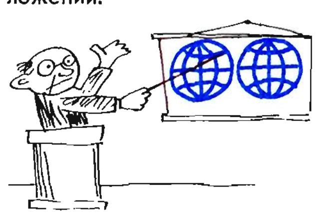
— Я предупреждал, — сказал товарищ Красько, но сказал грустно.— Ничего такого не будет.

И он тайком пощупал бутерброд с кабачками. Он был предусмотрителен и перспективен, заместитель директора...

— Прекрасно, коллеги! — взбадривал проверяемых Алексей Павлович, и коллеги от неожиданности вздрагивали.— Уютно — и ничего лишнего. А воздух, воздух!

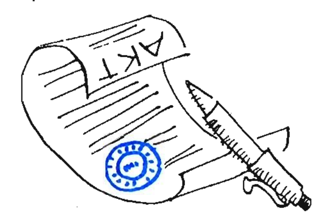
— Показатели тоже хорошие,— вставил, стесняясь, директор Уваров.

— И показатели отразим! — браво согласился Алексей Павлович.— Все в акте отметим! Про коллективную читку газет напишем! — расщедрился он.— Кружок космонавтики зафиксируем!

— Не,— засмущались григорополисцы.— Кружок не надо. Не поверят. Поскромнее чего-нибудь...

— Ну, лекции тогда! Доклады о международном положении.

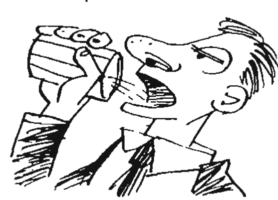

— Непременно доклады! — с чувством подхватил руководитель делегации.— Повышение уровня! Образование на ходу! — И он, маскируясь энтузиазмом, бочком, бочком отодвинулся от бухгалтера Самохвалова, который, распоясавшись, принюхивался теперь к его личному бутерброду.

В одиннадцать утра, когда по радио заиграли производственную гимнастику, долгожданно повеяло тушеной бараниной. Бухгалтер Самохвалов ринулся навстречу запахам.

— Старик! — крикнул ему Алексей Павлович и помахал над головой многоопытной рукою.— Акт подписать!

Формальности, но из-за них баранина грозила поостыть, а напитки соответственно согреться. Потому выказали расторопность. Еще вращались по инерции шарики в автоматических

ручках, а авторы новоиспеченного документа уже мчались на двух машинах в сторону живописной реки Кубань...

Близился апогей рабочего дня. Труженики полей с интересом всматривались в руководящие автомобили, от коих смачно разносились запахи питания и исполненный смысла мелодичный звон.

Черкашина Анна не подвела коллектив. Руководитель делегации Красько оглядел стол, сервированный на берегу, и произнес млеющим голосом:

— Ах, ну что вы, товарищи!

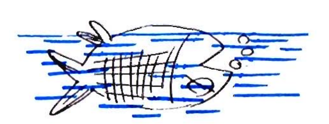
— О чем вы говорите! — рассердился председатель месткома Татаренков.— Или мы не соревнуемся с вами? — И он рывком распахнул душу.

—Ну уж! — ответили все, распахиваясь, и взметнули в небо граненые стаканы.

Солнце сверкало в них и играло лучиками. Торжество открылось тостом за проверяющих. Ответная здравица — за проверяемых. Потом — за проверяющих, которые станут вскоре проверяемыми. И, наконец,— за проверяемых, которые будут проверяющими. Пусть, решили все, растет и ширится соревнование!

Было весело и привольно. Высокие соревнующиеся стороны прыгали с разбегу

в Кубань и брызгали друг на друга мелкими брызгами. Ниже по течению всплыл вверх брюхом по-

жилой карась, отравленный этиловым спиртом. Люди держались...

Потом стороны с аппетитом целовали друг друга. Старший экономист Иванов лежал под кизиловым кустом и кричал «Горько!»

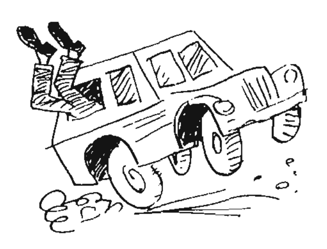
Когда стемнело, коллективы разъехались в разные стороны. О дальнейшем повествуют документы прокуратуры.

Руководитель делегации Красько официально жалуется в объяснении, что у него от автомобильной тряски свалились очки. Он однако, не растерялся и быстренько нашарил их в темноте, но поднять не мог ввиду их неожиданной тяжести.

— Ухо! — возопили вдруг очки голосом члена делегации Алтухова.— Ухо берут!

Красько не смалодушничал. Это был перспективный товарищ. Не выпуская из рук ушную раковину, поднял он сотрудника Алтухова. Дабы, сообщил позднее товарищ Красько, никто из остальных членов делегации не наступил бы на лицо сослуживца.

На полдороге парторг Алексей Павлович спохватился вдруг, что не имеет шоферских прав, и открыл срочные курсы практической езды. Машину трясло и подкидывало. Что-то пело внутри нее колоратурным

сопрано. Бухгалтер Самохвалов икал. Потом сжал кулаки и принялся громко стучать ими о голову шофера Бориса Петровича — того самого, помните вы, что не был членом делегации, но водку пил. Шофер Борис Петрович отнекивался конечностями. Парторг, прервав курсы вождения, остановил автомобиль поперек шоссе, и выясняющие отношения выпрыгнули на волю Следом вывалился член делегации Алтухов. Его звал долг — он был председателем группы народного контроля. Алексей Павлович рванул автомобиль, осваивая технику вождения. Заместитель директора Красько поедал бутерброд с жареными кабачками...

В конце концов один из оставшихся на дороге попал в больницу, другой — под следствие.

А так все было нормально. Ныне «Передовой» хлебоприемный пункт ждет с ответной взаимопроверкой григорополисцев. Соревнование продолжается. По

осеннему небу плывут облака. Они складываются в гигантскую бутылку, но теперь горлышко ее указывает на восток.

Ставропольский край.

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

Моментальные фотографии

1

Следить за ним — противно,
видеть — горько.
Предела грубости и чванства
он не знает.
Он иллюстрирует собою
поговорку:
«Спесь
умной не бывает...».

2

Он говорит,
что надобно уметь
вопрос не обсудить,
а обсидеть.

3

Вмешавшись
в одну
из уличных драк,
Сказал
старшина милиции
так:

— Товарищи граждане!
Не полагается
Дракою спор позорить.
Только ослы
лягаются
Вместо того,
чтобы спорить.

4

Он, говоря с великим пылом,
«Достичь успеха!» —
Бросил клич,
Но никому не рассказал он,
Каким путем его достичь.

5

Шел форум драматургов
целую неделю.
На нем ораторы
талантливо сумели
Совместными усильями исчечь
Большую
содержательную речь:
— К театру зрители питают
интерес!
Пишите, драматурги, много
пьес!
Желаем вам больших высот!
Глубин!
Единожды один — один.

Эстетику — в производство!

Рисунок А. КРЫЛОВА

МИМОХОДОМ

Только мода, рождаясь, издает последний крик.

* * *

Первостатейный журналист не обязательно начинающий.

* * *

Жаловался, что его срезали на экзаменах по хирургии.

Не одни лишь энтомологи схватывают все на лету.

* * *

Книг в его обширной библиотеке были читанные единицы.

* * *

Кредо начетчика: «Платон мне друг, но прописная истина дороже».

* * *

И много дымящие могут работать без огонька.

Построив падающую силосную башню, жди притока не туристов, а ревизоров.

Т. КОНСТАНТИНОВ

Наиболее частый плод раздумий — головная боль.

* * *

Лиха беда начальник!

* * *

— Не все то золото, что блестит,— говорим мы и часто проходим мимо самородков.

В. ВЕТРОВ

Ф. ВИБЕ

Мой дядя очень гордится своим заводом. У него просто пунктик такой — водить туда родственников. Поэтому, когда я приехал к нему в гости, он объявил мне, что, по его мнению, лучший подарок для отпускника — это производственная экскурсия.

В механическом цехе мы стали свидетелями странной сцены. Два человека не то что вели творческую дискуссию, а просто страшно ругались. Вернее даже, ругался один. Он буквально наскакивал на своего собеседника, кричал, показывал ему, извините, кукиш. А другой в основном молчал, потупившись.

— Что это они так? — спросил я.

— Мало ли, Феденька, конфликтов возникает по ходу сложного производства! — ответил дядя.— Прогулял вчера токарь, вот теперь и объясняется с мастером.

— Прогул, конечно,— это очень плохо, но зачем же так кричать?

— Видишь ли, Феденька, еще далеко не все рабочие у нас сознательны. Приходится терпеть такие сцены. Тем более это не простой рабочий, а король втулки.

— Король чего? — удивился я.

— Видишь ли,— нимало не смущаясь, ответил дядя,— он обрабатывает одну хитрую втулку. Причем уже лет десять. Собаку, можно сказать, на этом деле съел. У него там приспособлений, шаблонов, специальных резцов — мильон. Когда он в отпуск уходит — это настоящее стихийное бедствие. На его операцию приходится бросать пять-шесть человек, и те кое-как справляются.

— Вот так раз! А неужели нельзя еще кого-нибудь поставить на эту самую втулку, чтобы и он овладел?

— В принципе неплохо бы. Но к чему? Если король работает, он обеспечивает завод полностью. Да ты думаешь, кроме втулки, других деталей мало! И везде требуются умельцы.

— Так их много, королей?

— Нельзя сказать, что много, но в каждом цехе по нескольку есть.

— И как же вы с ними?

Дядя пожал плечами:

— Оказываем королевские почести. Сам директор с каждым за ручку здоровается. Чего доброго, еще обидится — наплачешься!

— А почему же мастер себе тогда такое позволяет? Смотри, как разошелся! Король-то, по-моему, уже чуть не плачет, сморкается в полу своего сиреневого королевского камзола.

— Да ты, Феденька, не понял! В сиреневом пиджаке — это мастер. А который ему втык делает, это и есть король втулки.

г. Свердловск.

«ТОНКОСТИ ПРОФЕССИИ»

Оказывается, некоторым строителям ничего не стоит сделать карьеру на недостроенном объекте. Надо только овладеть тонкостями профессии.

Входит, скажем, компетентная комиссия в возведенный дом подписывать акт о приемке и вдруг видит, что дверные ручки напрочь отсутствуют. Комиссия только брови начинает поднимать, а вы тут как тут.

— Идите спокойненько дальше,— говорите вы комиссии,— а я эти ручки мигом прибью.

Мгновение комиссия смотрит на ваше честное лицо и, поверив, идет дальше. А вы действительно прибиваете их на положенные места. Только, прежде чем прибить, получаете от новоселов по трешке за штуку. А заодно и еще пару рублей за оперативно ввернутые после ухода комиссии краники в ванной и разные другие мелочи крупнопанельного комфорта.

Думается, что, овладев «тонкостями профессии» украинского сатирика Евсея Круковца (одноименный сборник фельетонов и юмористических рассказов, издательство «Радянська Україна»), читатель будет лучше знать, как противостоять мошенникам, хапугам и прочим вредным типам.

«ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»

замечательных советских сатириков Ильи Ильфа и Евгения Петрова приходил к читателям много раз в виде разного формата книг и даже кинокартин.

На днях он появился на книжных прилавках необычайно нарядный, в золотистом переплете и бирюзовой суперобложке. Вырастило его на этот раз издательство «Художественная литература». Приятным сюрпризом для читателей будут отличные иллюстрации Кукрыниксов. Эти иллюстрации читатели увидят впервые.

«РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ»

Казалось, всех членов этой бригады маляров СМУ-100, занятой на строительстве дома, прораб Конотоп знал как облупленных. Но вот подоспело срочное задание, настолько срочное и важное, что прораб, ссылаясь на традиционную недоверчивость кадровиков, потребовал от бригадира сведений о родственниках членов бригады.

Тут было иад чем призадуматься. Внешне все члены бригады — типичный рабочий класс, самые, как говорится, работяги. Но, если вникнуть, сплошная зиать! И вот бригадир составляет список, в котором обозначены родственные связи маляров. Любопытный получается перечень! Получается, к примеру, что у Францевой, лучшего шпателя СМУ, дядя — профессор института стройматериалов, у знатока колеров Каца брат — директор ракетного института, тетка у Иванова — глава ткацкого комбината, тесть Воскресенской — председатель колхоза, родич Ливеркова — генерал, а брат Дымова — дипломат...

Но, как улавливает читатель, отнюдь не родственные связи были решающим фактором в том, что бригаде доверили важное задание. Маляры и сами были не промах. И работать умели так, что только искры летели, и в дружбе были верны. Вот об этой большой человеческой дружбе, о жизненных конфликтах и трудовых буднях членов этой знатной бригады написал свою юмористическую повесть «Родственные связи» Михаил Андраша. Повесть, вышедшая отдельной книжкой в издательстве «Советский писатель», согрета симпатией автора к своим бывшим коллегам — строителям.

— Ты же обещал, что бросишь пить!
— Мало ли чего не наболтаешь спьяну!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Н. КУЗЬМИН,
майор милиции

ВЕСЕЛЬЕ ДИКОБРАЗОВ

Кто самый страшный зверь на свете? Увы, на этот вопрос нет определенного ответа. Для одного «страшнее кошки зверя нет», а для другого и сам лев не брат. Скажем, как для рижанина Мячеслава Мячеславовича Малаховского.

В один из солнечных июльских дней, предварительно отведав в кафе пельменей, от которых его почему-то сильно зашатало, Малаховский неожиданно почувствовал такой прилив дерзости, что решил поговорить на равных с каким-нибудь зверем. Он поспешил в Рижский зоопарк, перемахнул через высокую решетчатую изгородь в вольер к волкам и стал унижать достоинство хищников, дергая их за хвосты и тыча им в страшные пасти пальцем. Один из волков не выдержал такого издевательства и, зажмурившись от страха, укусил обидчика. Примеру мстителя последовали и другие звери, и Малаховского едва отбили.

Другой бесстрашный человек, грузчик Валдис Янович Хофманис, вышел победителем из схватки на воде. Крепко заправившись горячительной жидкостью, он смело подошел к каналу, где плавали белые лебеди с лебедятами, и, выждав, когда один из молодых лебедей приблизился в надежде получить кусочек хлеба, нанес ему ловкий удар ногой.

— Развелось тут разных попрошаек! — резонно заметил при этом Хофманис.— Каждому подай. Выпить скоро будет не на что!

Как и должно было случиться, за обиженное дитя вступился родитель. Выставив длинную шею и растопырив воинственно крылья, он пошел в атаку на обидчика. Как вы понимаете, Хофманис оказался не из трусливого десятка. И грянул бой, в результате которого один из противников остался без головы. К сожалению, неудачником оказался лебедь.

Но если бы этими двумя случаями все ограничилось! Так нет же, зоопарк часто навещают хулиганы и пьяницы, которым доставляют животную радость горящая сигарета, сунутая в нос зверюшки, баночка с горчицей, подброшенная в клетку, шарикоподшипник, завернутый в конфетную бумажку...

Доверчивый африканский страус проглотил конфету, которую какой-то негодяй завернул в носовой платок. Экзотическая птица отдала богу душу.

Калану, редчайшему животному на земле, за которого иностранные фирмы предлагали Рижскому зоопарку 10 тысяч рублей золотом, один из веселящихся мерзавцев выколол глаз и скрылся.

Иногда животные пробуют защищаться на свой страх и риск. Так, осел Янцис искусал пьяного посетителя, всунувшего ему в пасть горящую папиросу. А семья диких кабанов потрепала надоевшего им подвыпившего шутника.

Защищаться приходится все чаще, ибо полку хулиганов прибывает. А все потому, что некоторые торговые организации, гонясь за выполнением плана, обратили свои взоры к зоопарку.

Идя навстречу пожеланиям пьяниц, кафе «Спорт» разместило на территории зоопарка две бойкие точки. В них рьяно торгуют пивом, винами, ликером «Мокко» и коньяком. И какое же здесь пьяницам приволье! Свежий воздух, берег экзотического Киш-озера, спиртное в неограниченном количестве! Не правда ли, все это располагает к активному общению с природой?

Как-то один из пьяных, видно, от избытка чувств, угодил в бассейн к тюленям. Личность этого любителя природы установить не удалось, так как тюлени принять его в свою компанию не захотели, и он быстро ретировался. Но следы все-таки оставил. В виде битой посуды.

И таких следов много. Работники зоопарка регулярно извлекают со дна тюленьего бассейна битые бутылки, перочинные ножи и многое другое. Белых медведей не спасает даже густая металлическая сетка, на которую бросают камни и стекла...

Так уж как-то повелось, что многие граждане приходят в зоопарк нормальными людьми, а выходят «на бровях». Обычное дело. Рабочий Рижского электролампового завода Чеслав Петрович Миналто, желая показать приехавшему к нему брату достопримечательности Риги, повел его в зоопарк. И там братья так «налюбовались» животными, что Миналто не в состоянии был передвигаться и, страшно рыча, встал на четвереньки возле клетки с дикобразом. И трудно было понять, к кому относилась надпись «Дикобраз»: к мирному ли хозяину клетки, или к одичавшему посетителю.

г. Рига.

Вал. ШВЕЦ,
сотрудник газеты
«Крымская правда».

Где твое место, слива?

В колхозе «Родина», Раздольненского района, в этом году особенно уродилась слива. Счастливые колхозницы повезли ее бережно, как невесту, в райзаготконтору.

— Не нужна,— был категорический ответ.

— Да вы что! Посмотрите, какая слива! — заволновались женщины.— И свежая она хороша, и мороженая, и сушеная, и вареная. А повидло, джемы, мармелады, цукаты, соки и настойки! В ней и сахар, и витамины, и ферменты разные. Третье место у нее на земле после яблок, второе после вишни!

— Свезите ее на Красноперекопский соко-винный завод.

Ближний свет! Это же за сто верст киселя хлебать. Однако делать нечего. Отправились в Красноперекопск.

— Здрасьте вам! Примите сливу.

— Катите в консервный цех.

Приехали. Три часа ждали очереди. Наконец подошла приемщица Лора Медведева:

— А мы вашу сливу не берем...

Вот те на! Метнулись колхозницы к директору завода Г. А. Колотушкину. Обратились со слезной мольбой. И Георгий Алексеевич дал им указание:

— Сыпьте в цистерну!

И женщинам указали на хлипкую железную лесенку, по которой надо карабкаться на ту цистерну.

— Да что мы, акробатки, что ли? — оторопели колхозницы.

— Сыпьте! Не ленитесь. Да глядите, не сверзитесь в чан,— дружески напутствовала их мастер плодопереработки. А когда приезжие заметили, что такой способ транспортировки несколько устарел, она обиделась и заявила: «Можете не возить. Не больно-то мы вас ждали».

До часу ночи упражнялись колхозницы в «майна-вира» по шаткой лестнице, обдумывая программное заявление мастера... Брала их обида и за себя и за плоды своих трудов... Ах, эти злосчастные ренклоды, черносливы, изюмэрики...

...Третье место после яблок, второе — после вишни... Но у заготовителей своя классификация. Слива у них не на втором и не на третьем, а на последнем месте. Как бы довесок к остальному. Причем нежелательный и немилый. Директор соко-винного завода тов. Колотушкин и в беседе с корреспондентом сказал:

— Почему не берем? Пусть везут помидоры, а заодно и сливу возьмем.

И катают ее, сердешную, по всему Крымскому полуострову вот уж который год, и с помидорами и без. Не найдется, пожалуй, хозяйства, где на животноводческих фермах хрюшки и прочие скоты не знали бы вкуса сливы. Немало сожрали они несбывшихся цукатов, мармеладов, варенья и повидла...

— А что делать? — скорбно вопрошает экономист колхоза «Родина» Владимир Николаевич Матвеев.— Даже плановую сливу, так сказать, обязательную поставку, не знаем кому сдать. Из года в год возим вот так уже пятое лето.

И так возят все хозяйства, не зная, куда ее девать, спелую, сладкую, ароматную, витаминную сливу.

Впрочем, можем вас утешить, читатель. Таких печальных вояжей становится все меньше. Поскольку в крымских колхозах уже выкорчевана пятая часть сливовых насаждений. В совхозах же и того больше. Если взять это явление в экономическом аспекте, получается весьма любопытная картина. Для того, чтобы дерево сливы начало плодоносить, нужно в каждый гектар насаждений вложить до пяти тысяч рублей. На плантаж. На посадки. На уход.

— А может, ее всю выкорчевать? предложил я экономистам.— В колхозах ее и осталось-то всего каких-нибудь четыре тысячи га. В совхозах от силы тысяча. Так пусть не мозолит глаза.

Экономисты прикинули и говорят:

— Не-е... Раскорчевка — тоже удовольствие дорогое и трудоемкое. Средств, затраченных на нее, хватило бы на создание целого ряда автоматических линий и цехов, оснащенных по последнему слову науки и техники, для закатки сливы в банки. По методу, давно освоенному домохозяйками.

...Вот они какие, ренклоды, черносливы, изюмэрики. Третье место после яблока, второе — после вишни.

И последнее — у заготовителей.

Крымская область.

— А мне на новоселье подарили водонепроницаемые часы!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Самиг АБДУКАХХАР

Осторожность не мешает

Под чайханы гостеприимным кровом
Сижу впервые. Здесь я не бывал.
Вдруг девушку, что угощала пловом,
Буфетчик чуть заметно подозвал.
Она к нему приблизилась покорно.
И слышу я, как он ей говорит:
— Вот тот в очках, которого ты кормишь,
Не вздумай обсчитать его, смотри!
Корми получше. Напои кок-чаем...
— Он друг тебе, заботишься о ком!
— Нет, помню я — не то он сам начальник,
Не то с начальством нашим он знаком.

Перевел с узбекского Бор. ЮДИН

М. СЕМЕНОВ

КТО ИЩЕТ,

тот всегда найдет, — утверждает известная песенка. Речь, конечно, не идет о кладоискателях: эти заранее обречены на неудачу. Достоверно установлено, что закапывание ценностей в землю у наших предков не было столь распространенным обычаем, как нынешнее вкладодержание в сберегательных кассах. Тяжелый заступ, закопченный фонарь со стеариновой свечой и тайная грамотка с магическими словами и знаками окончательно забыты. Охотники за кладами перевелись. Ну, а другие люди ищут и находят. Вроде вот этого животновода средней руки.

«Ищу козу, трех лет, сбежавшую со двора в прошлую пятницу, — пишет он на вырванном из тетрадки листке.— Особые приметы: масть черно-пегая, бодлива, правый рог поврежден. Нашедшего ожидает вознаграждение».

Составив такое воззвание, гражданин прикрепляет его хлебным мякишем к какому-нибудь столбу и ждет. Можно поручиться, что ожидание не будет напрасным: бодливую козу найдут и приведут хозяину.

Но бывают поиски посложнее. Не так давно Центральное телевидение учредило новую передачу: «Алло! Мы ищем таланты». Задумка была благородной и довольно простой. Сидит за столиком симпатичный молодой человек и говорит в микрофон:

— Алло!

Кто-то откликается.

— Слушаю!

— Вы талант?

— Смотря в каком смысле...

— А вот в таком: вы поете?

— Случается. Нельзя же так, чтобы уж совсем не петь...

— Вот и прекрасно! А какая песня вам больше всего нравится?

— Смотря по настроению. Очень хорошая песня «Когда я на почте служил ямщиком». Душевная.

Телезрители видят, как на лице симпатичного молодого человека появляется легкое облачко. Но привычным усилием воли он сгоняет его и продолжает бодрый разговор.

— Прекрасно! Что может быть лучше народной песни! Попробуйте спеть ее сейчас.

— Так вот сразу и петь?

— Да, сразу. Запевайте, не стесняйтесь!

Гражданин, отозвавшийся на телепризыв, долго откашливается и наконец начинает:

— Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку...

И вдруг песня обрывается.

— Алло, алло! Что же вы замолчали? Продолжайте!

— Не могу я продолжать, милок, — откликается гражданин. — Дальнейшие слова из головы выскочили. А песельник то ли жена, то ли дети куда-то запрятали. Не любят они, когда я петь начинаю...

Те, кто видел и слышал эту передачу, легко уличат автора в утрировке. Передача действительно проходила по-другому. И многим телезрителям даже понравилась. Но была в этой вообще-то говоря благородной затее с поисками талантов одна неловкость. Иные выпущенные в эфир молодые вокалисты выглядели весьма беспомощными. И даже неспециалисту было ясно: пение — далеко не самое лучшее, что, вероятно, могут делать эти молодые люди.

Тут мы подходим к весьма деликатному вопросу о том, что такое талант и как его находят.

Общеизвестно, что поистине неисчерпаемым кладезем талантов является наша художественная самодеятельность. Услужливая память сразу же подсказывает имена признанных мастеров оперной и драматической сцены, кино, эстрады, цирка — бывших кружковцев. Но не будем называть их: они хорошо знакомы зрителям и слушателям. Важнее другое — всемерно поддерживать и развивать саму самодеятельность, чтобы в ее гуще растить и пестовать таланты.

В этом смысле дружные усилия многочисленных редакций Центрального телевидения заслуживают всяческой похвалы. Подмостки уникального — с многомиллионным зрителем — театра охотно и в любое время предоставляются участникам самодеятельного искусства всех видов. Я уж не говорю о специальных передачах — концертах, смотрах, конкурсах и тому подобных. Но стоит вам только настроить свой «Рекорд» или «Рубин» на волну любой другой передачи, как вы непременно встретитесь с ней — песенной, танцевальной, а то и просто музыкальной самодеятельностью.

Общее увлечение коснулось даже ребячьей пятнадцатиминутки «Спокойной ночи, малыши!». Раньше дошкольникам показывали мультипликационные фильмы, разыгрывали короткие пьески, перед ними выступали профессиональные артисты-сказочники. Основой всегда служили произведения детской литературы, которая известна у нас своим богатством языка и художественных образов. А теперь чаще всего с малышами разговаривают дикторы-дяди и дикторы-тети. Они ведут вполне «домашние» разговоры на основе «домашнего» текста, имеющего весьма отдаленное отношение к литературе для детей.

При таком обилии самодеятельных передач рядовой телезритель с течением времени приобретает квалификацию маститого знатока фольклора. И, услышав знакомую песенную строчку «Ой, цветет калина в поле у ручья», может, не задумываясь, назвать исполнителей:

— Хор молодежного звена третьей бригады овощеводческого совхоза.

Или:

— Счетоводный вокальный ансамбль «Грезы» районного пищеторга.

Благодаря сохранившимся фильмам-спектаклям и радиозаписям он, наш любознательный зритель и тонкий ценитель искусства, хорошо знает, как звучала со сцены Малого театра зловещая фраза Отелло в устах Остужева или Папазяна:

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Теперь ему предоставили возможность послушать (и не раз!), как звучит та же фраза в спектакле драматического самодеятельного коллектива. Он видел Уланову или Плисецкую в роли Одетты, а теперь ему показывают, как исполняет эту партию дебютантка из профсоюзного дома отдыха.

Показывают с единственной целью, чтобы доказать: самодеятельному таланту доступно все, и сам он тоже всем доступен. Но скажите, разве в наши дни нужно кому-нибудь доказывать эту истину? И стоит ли ради этого так нерасчетливо тратить драгоценное телевремя?

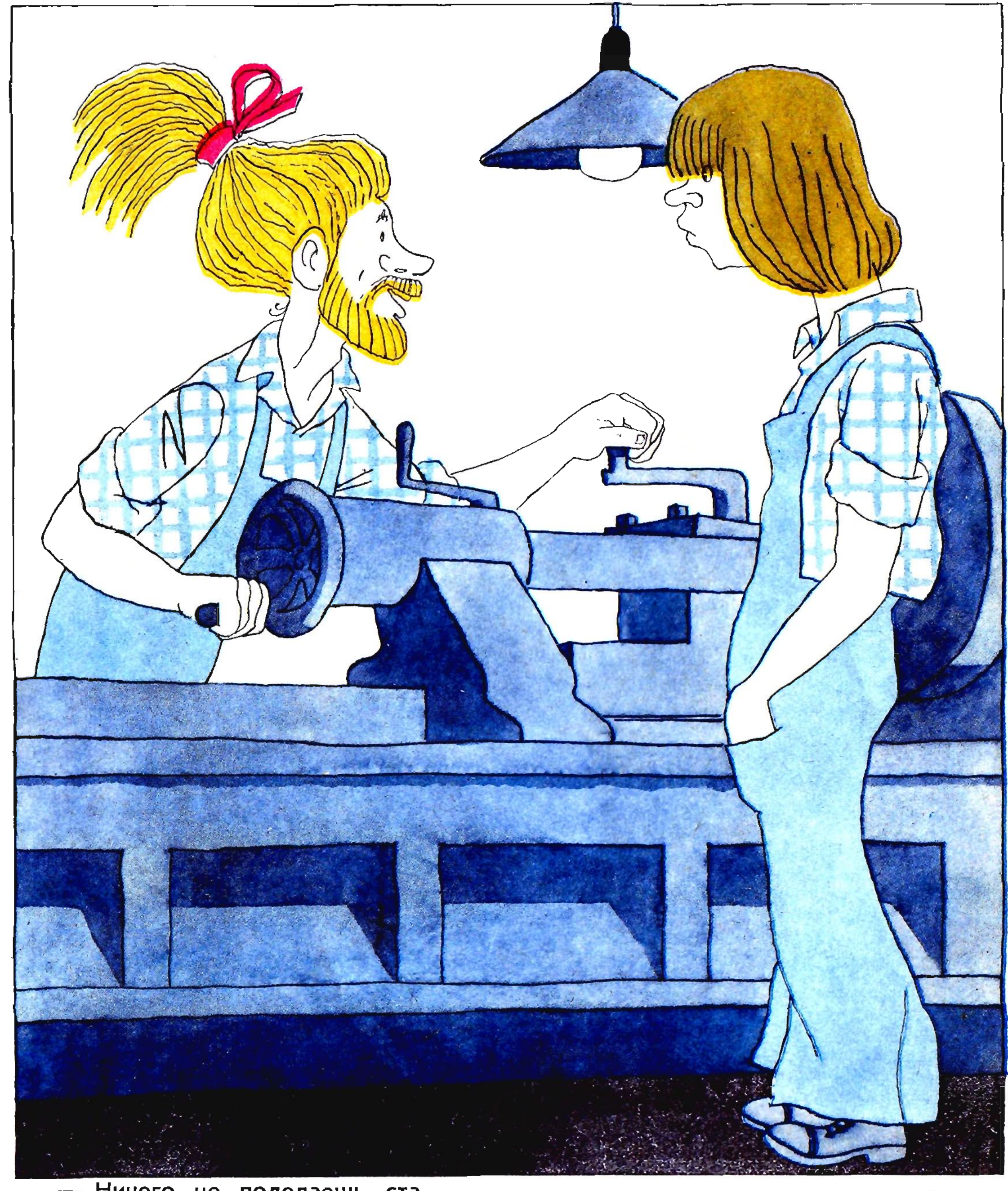
Здесь автор должен сделать одну оговорку: ему чуждо пренебрежение к людям, увлекающимся искусством и пробующим в нем свои силы. Самодеятельность хороша, в особенности в своем кругу — рабочем, колхозном, студенческом коллективе. Тут простят любые погрешности и неточности исполнения и наградят аплодисментами необыкновенно щедро, от души. Но одно дело аудитория клуба, Дома культуры, и другое — профессиональная сцена. Далеко не каждому дано подвизаться на ней. Столь же строг и взыскателен должен быть и голубой экран.

А поиск новых талантов всегда остается первоочередной задачей искусства. Но до поры до времени этот поиск не выходит за рамки студии, репетиционного зала, консерватории, художественного института. Зритель, слушатель, читатель приглашается лишь для оценки уже достигнутых результатов. На телевидении часто приглашение бывает преждевременным. И это очень огорчительно.

Бесспорно, что говорящее и показывающее телевидение — подлинное чудо XX века. Но ведь и его возможности ограниченны. И если показать на голубых экранах артиста, который делает первые робкие шаги по сцене, или включить микрофон перед певцом, имеющим от природы голос, но не умеющим петь, то чуда может и не произойти.

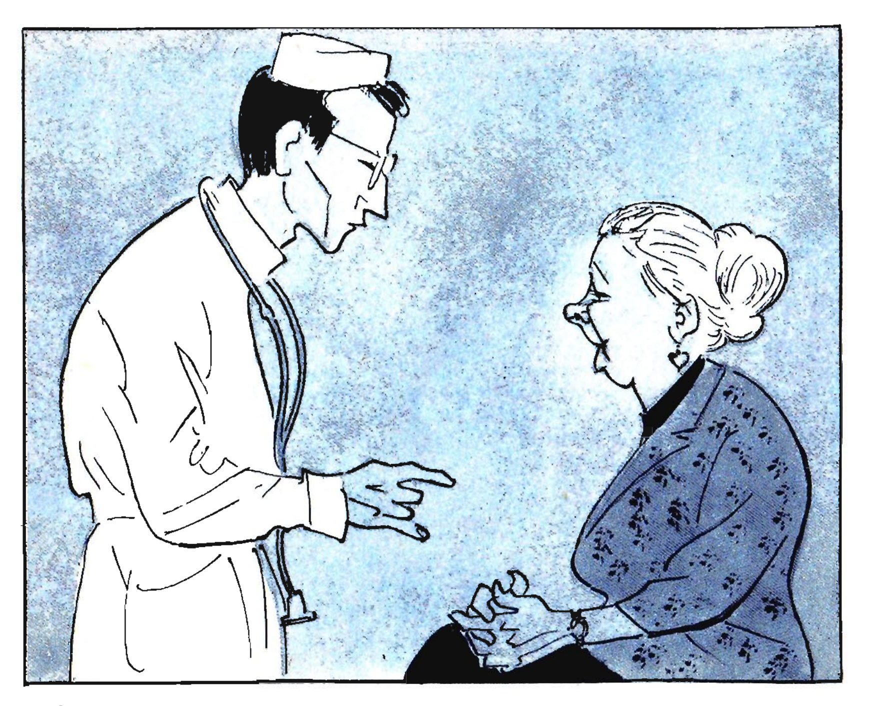
Ну, а как же быть с поиском? Отказаться от него? Ни в коем случае! Искать нужно, но только соблюдая необходимую меру и такт. Придерживаясь принципа: сначала найди, а потом уж покажи.

Как подтверждает практика, клады, настоящие жемчужины все же встречаются и в наши дни. И не только в старинных замках. А и во дворцах и Домах культуры, спроектированных и построенных в самые последние годы.

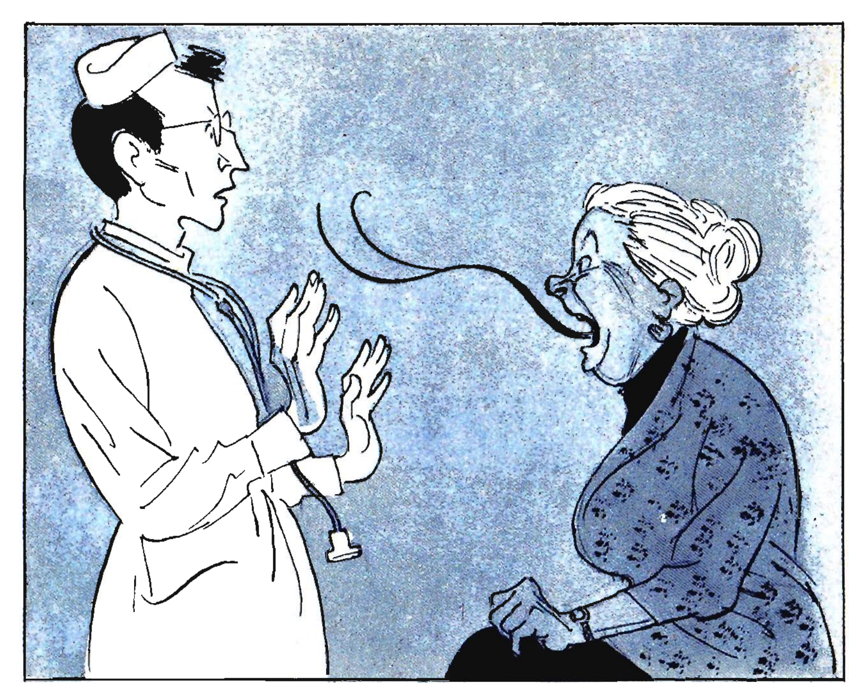

— Ничего не поделаешь, старик,— техника безопасности!

Рисунок Е. ГУРОВА

— На что жалуетесь?
— Соседи затравили!

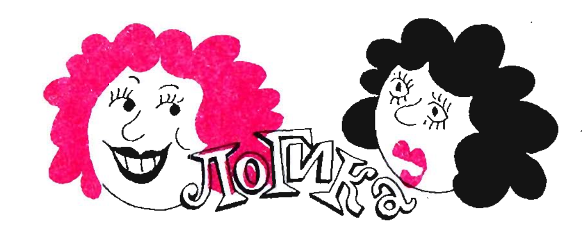

— Покажите язык!

Рисунок М. БИТНОГО

А. СУКОНЦЕВ

Диалоги

— Говорят, вы развелись с Михаилом?
— Вот уже два года.
— А что ж так?
— Да так...
— Он что, пил, что ли?
— Самую малость. На праздники, в гостях.
— Может, поколачивал тебя?
— Кто? Мишка? Да что вы!
— Любовница, наверное, у него была?
— Не думаю. Да нет, он и до сих пор один живет.
— Семьянин плохой? Ага?
— Не сказала бы. Скорее наоборот. Помогал мне по хозяйству. Все сделает, чего ни попросишь. Даже и так, без просьбы. Нет, для дома он старательный.
— На бега, может, ходил, в картишки там, компания мужская?
— Не было никакой компании. Телевизор, это правда, любил глядеть. Целыми вечерами сидел, как прикованный. Иногда в домино во дворе партию забьет.
— Ну, а к тебе-то как он относился?
— Хорошо относился. Уважал. Любил, в общем.
— И разошлись?
— Разошлись.
— А сейчас ты за Гришку, говорят, вышла?
— Да, вышла...
— Ну, а как он? Не пьет совсем, что ли?
— Кто? Гришка? Ого!
— Тихий, когда выпьет?
— Хоть связывай.
— Ну уж, наверное, ты одна у него зазноба? Свет в окошке?
— А кто ж его, кобеля, знает. Другой раз пропадет на целую ночь. «Где был?» — спрашиваю. «Где был, там меня уж нет»,— скалит зубы.
— Ну, а для дома как он?
— А-а... которую неделю прошу задвижку на окне прибить — некогда: дружки-приятели. Летом — футбол, зимой — хоккей.
— А ты?
— Чего я? Сижу, как дура, реву и жду его, обормота.
— Взяла бы да прогнала его.
— С чего бы это?

— Что невесел, Авдоний Кузьмич? Ревизия, что ли?
— Хуже. Совсем уволили.
— Да ну?
— Сорок седьмая, пункт «В».
— Это же...
— Непригодность, будь она неладна...
— Не может быть! Двадцать лет в торговле... Такой специалист!
— То-то и оно. План выполнял. Премии получал. Все, как полагается.
— В чем же дело?
— Разве ж поймешь? Неугоден я им стал. Порядки в салоне начал наводить...
— А они?
— Не понравилось. Я как туда пришел, что сделал? Первым делом все материально-товарные ценности сверил с инвентарной книгой.
— А как же иначе?..
— Потом взялся за приемку товара на реализацию.
— Закон порядка требует.
— Приносит, стало быть, какой-то тип картинку. Вся-то картинка доброго слова не стоит — форточку не прикроешь. Ну, а нарисована на ней вот такусенькая ваза глиняная. Гли-ня-на-я... И такие же четыре румочки... Тоже из глины...
— Даже и не сервиз.
— Ну хоть бы румочек полдюжины нарисовал — еще куда ни шло.
— Видно, и у них естественный убой бывает, хе-хе-хе...
— Но ведь что потребовал? Сто двадцать пять рублей вынь да положь.
— Сегодняшними деньгами?
— На меньшее, говорит, я не согласен. Вроде того, самому дороже стоит.
— Ты и принял?
— Я что, совсем сдурел, что ли? Отказал. А они заставили. И еще этот пункт «В» припаяли. Ушел я. Пусть те глиняные румки сами продают. Я в этом деле не участвую.
— Разве они в нашем искусстве что понимают?
— Одно слово — художники.
— От слова «худо», хе-хе-хе...
— Это ты верно... Ну, а у тебя как?
— А я, брат, из «Тканей» тоже ушел, сразу после тебя. «Мясо» принял.
— Ну, это работенка поинтересней, а?
— Рублей на восемьдесят в месяц. А то и на всю сотню.
— М-да...
— Живем, не тужим. Тут на днях по случаю три ковра купил. Все три мишками разрисованы. Семь сотен отвалил. На все стены повесил.
— Красота!
— Куда ж ты-то теперь?
— Зовут тут в одно место. Не знаю... Смотря что предложат.
— А ты сразу не соглашайся. Проси персональный оклад. Специалист же... На дороге не валяются такие, как мы...

— Чё на последней летучке не был?
— А чё? Маркушкина я, что ли, в текущем месяце не слыхал?
— Маркушкин выступал, это ты верно. Только не в нем суть.
— Ну, Колокольцев опять каялся.
— Угадал. Бил данный товарищ себя в белы груди, но...
— Чё «но»-то? Управляющий призывал «поднажать», «не подкачать», «быть на уровне».
— В том-то и дело, не успел он. Перебили его.
— Это кто же посмел?
— Соловцов.
— Из планового?
— Он. Сидел он, знаешь, в клубе-то нашем на этом самом бельэтажике, куда лесенка ведет...
— Галерка?
— Ну! А внизу под галеркой Роман Петрович с Валеркой партию Петросяна с Фишером разбирали. Соловцов и заинтересуйся. А там ведь барьерчик, если помнишь, и такой частокол идет — реечки. Плохо ему видно, куда они ферзя поставили. Он возьми, да голову и просунь.
— Между рейками?
— А тут как раз управляющий встал и из кармана листки со своей речью достал. Откашлялся. Сказал громко: «Товарищи!»
— А Соловцов?
— Хочет Соловцов, понимаешь, голову обратно высунуть, а не может. Шум легкий поднялся. Валерка встал на стул и начал Соловцову помогать голову назад подать.
— А народ?
— Смешки послышались. Кто-то реплику подал: «Ты ему уши отрежь, тогда, может, пролезет».
— Во дают! Отрезали?
— За столяром побежали, чтобы рейки спилить. И за ноги взялись тянуть...
— Скажи на милость! Стоит мне один раз не прийти — и такая интересная летучка. Вот не везет...

С. Нордкот ПАРКИНСОН

Рождественская песнь

С. Нордкот Паркинсон — английский буржуазный экономист, отнюдь не лишенный чувства юмора. Он доказал это книгой «Закон Паркинсона», сатирически изображающей бюрократический мир бизнеса. Судя по второй книге — «Закон миссис Паркинсон», сатирически показывающей домашнюю жизнь зажиточных семейств Англии и США, автор, кажется, всерьез променял экономику на литературу. Придерживаясь свойственной ему полуиронической-полусерьезной манеры, Паркинсон опубликовал в 1970 году третью книгу — «Закон бюрократической проволочки». Публикуемая нами сегодня «Рождественская песнь» является заключительной главой этой книги.

Достопочтенный Годфри Кинг-Венсеслаус, член парламента и тайного совета Англии, стоял у окна в своем клубе и задумчиво обозревал мрачный, безлюдный парк. Шел снег, мела ледяная пурга, и в призрачном лунном свете вдали маячила только одна человеческая фигура. Бедно одетый человек подбирал под деревьями палки и сухие ветки и засовывал их в мешок — видимо, на топливо. «Добрая душа Годфри», как называли его друзья, не мог поверить своим глазам, что кто-то в Государстве Всеобщего Благоденствия мог докатиться до такой нищеты. «Это очень странно,— подумал он,— и, кстати, является ли подобный сбор топлива вообще законным?»

В курительной комнате, кроме Кинг-Венсеслауса, находился еще только один член клуба — его личный парламентский секретарь Пейдж. Патрон поманил его к окну.

— Видите вон там того оборванца? Я хотел бы выяснить, кто он и где живет.

Секретарь ушел и, побеседовав с дворником, доложил шефу:

— Это Вилли по кличке Собиратель хвороста. Он часто бывает здесь. Живет в трех милях отсюда в лачуге, давно уже предназначенной на слом. Это рядышком с новым министерством здравоохранения и компетентности, знаете, высокое здание на Сейнт-Агнес-роуд?

— Благодарю вас, Пейдж,— промолвил патрон, по-прежнему не отрывая взгляда от заснеженного парка.— Я вот насчет чего соображаю: не будет ли для нас полезной рекламой, если мы устроим этому бедняку роскошное, неслыханное рождество?

Кинг-Венсеслаус присел за столик, стоявший посредине комнаты, и набросал на листке бумаги перечень предметов первой необходимости — от мешка угля до бутылки дешевого портвейна.

— Но только, Пейдж, надо организовать это дело так, чтобы нам неожиданно попался навстречу фоторепортер и снял нас, когда мы пойдем за этим Вилли по снегу к его дому. Хорошая идея, как по-вашему, Пейдж?

— Моя обувь для этого не годится, сэр.

— Ничего, будете ступать по моим следам. Я в теплых галошах.

— Допустим, что так. Но позвольте вам заметить, такая идея в принципе неверна. Если наши официальные органы в данном случае что-то упустили, наш долг — принять законные официальные шаги.

— То есть связаться с управлением национальной помощи?

— Только так, сэр. Тогда этот случай будет обследован с полной обстоятельностью.

— Но это же будет не скоро?

— Не раньше середины января, сэр.

— Стало быть, мы не сумеем обрадовать этого бедняка на рождество?

— Нет, сэр. На это рождество — нет.

— Что ж, вы, наверно, правы. А жаль. Хотелось бы, чтобы публика думала о нас лучше.

— Наоборот, о нас будут думать хуже.

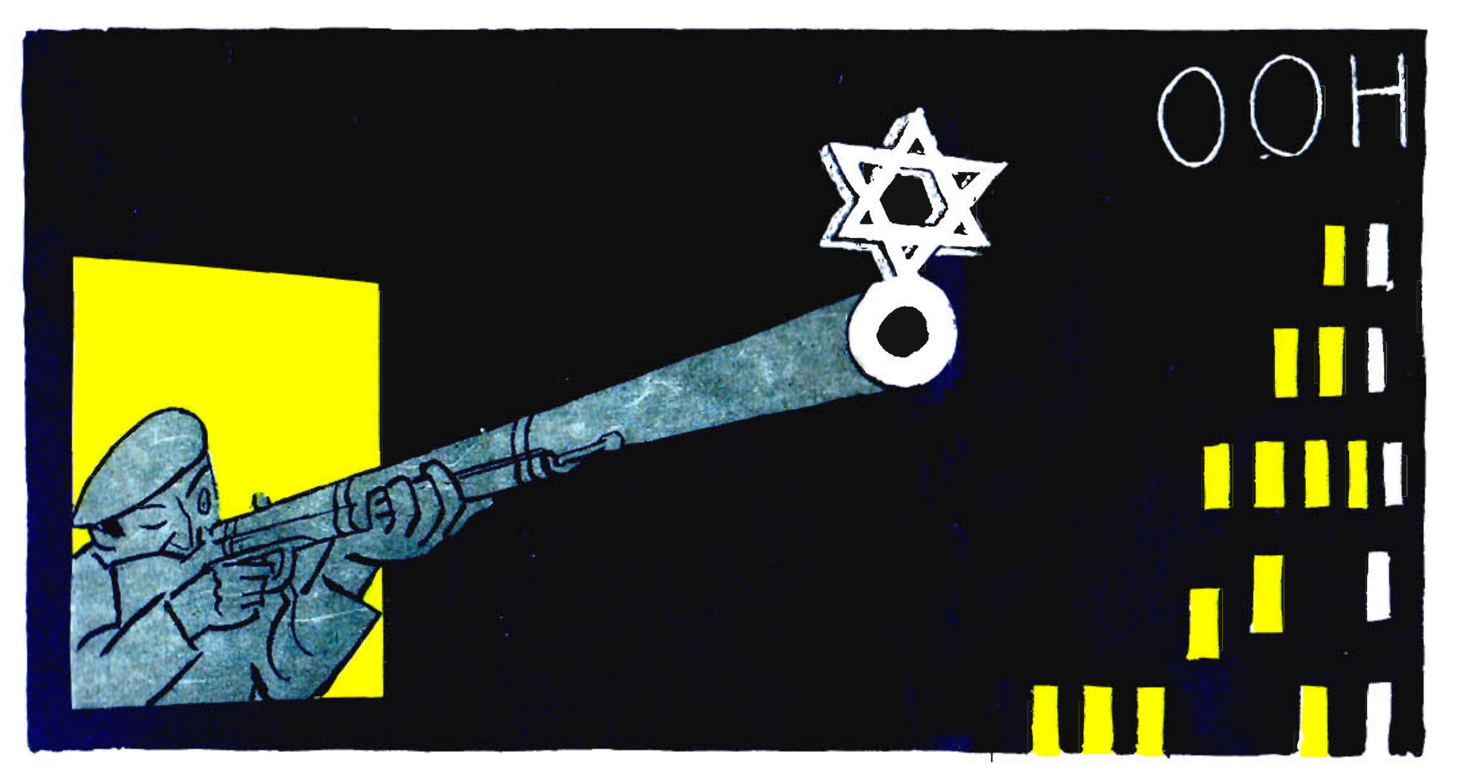
— Вы опасаетесь, что наша непосредственная помощь бедняге Вилли будет выглядеть демонстративной и неискренней?

— Боюсь, что такая опасность может возникнуть, сэр.

— Ладно, забудем! Пожалуйста, Пейдж, задерните шторы. Не хочу больше смотреть в окно. Я должен буду изучить проблему социального обеспечения в целом, не отвлекаясь на частные случаи, как бы горестно ни выглядела нищета. Если в нашей системе помощи неимущим есть недостатки, следует использовать административные меры. А в качестве основы для подобных мер потребуются факты: например, статистика недоедания в зимние месяцы. Подробное исследование займет много лет, но оно необходимо. Я представлю меморандум парламентскому заместителю министра...

Конечно, достопочтенный Кинг-Венсеслаус был прав. Так уж привыкли действовать правители нашего современного общества. Надо подходить ко всем одинаково и не делать исключений для срочной помощи какому-то одному обездоленному, чьи страдания случайно оказались в поле зрения власть имущих. Пусть дожидается своей очереди в алфавитном порядке! К сожалению, фамилия того бедняка начиналась на букву «зет».

Перевела с английского В. ЛИМАНОВСКАЯ.

МУЩКА СИОНИСТА.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Игорь МАРТЬЯНОВ

Бывают и такие...

Мы знаем, что значит
Быть истым туристом —
Бродить по лесам,
По тропинкам гористым,
Знакомиться
с жизнью народа,
Страною...

Но может быть цель
У туриста иною.
Какой-нибудь мистер
Продажности редкой
Бывает обласкан
Своею разведкой.
Она его щедро
Монетой снабжает
И с визой туристскою
В лайнер сажает.

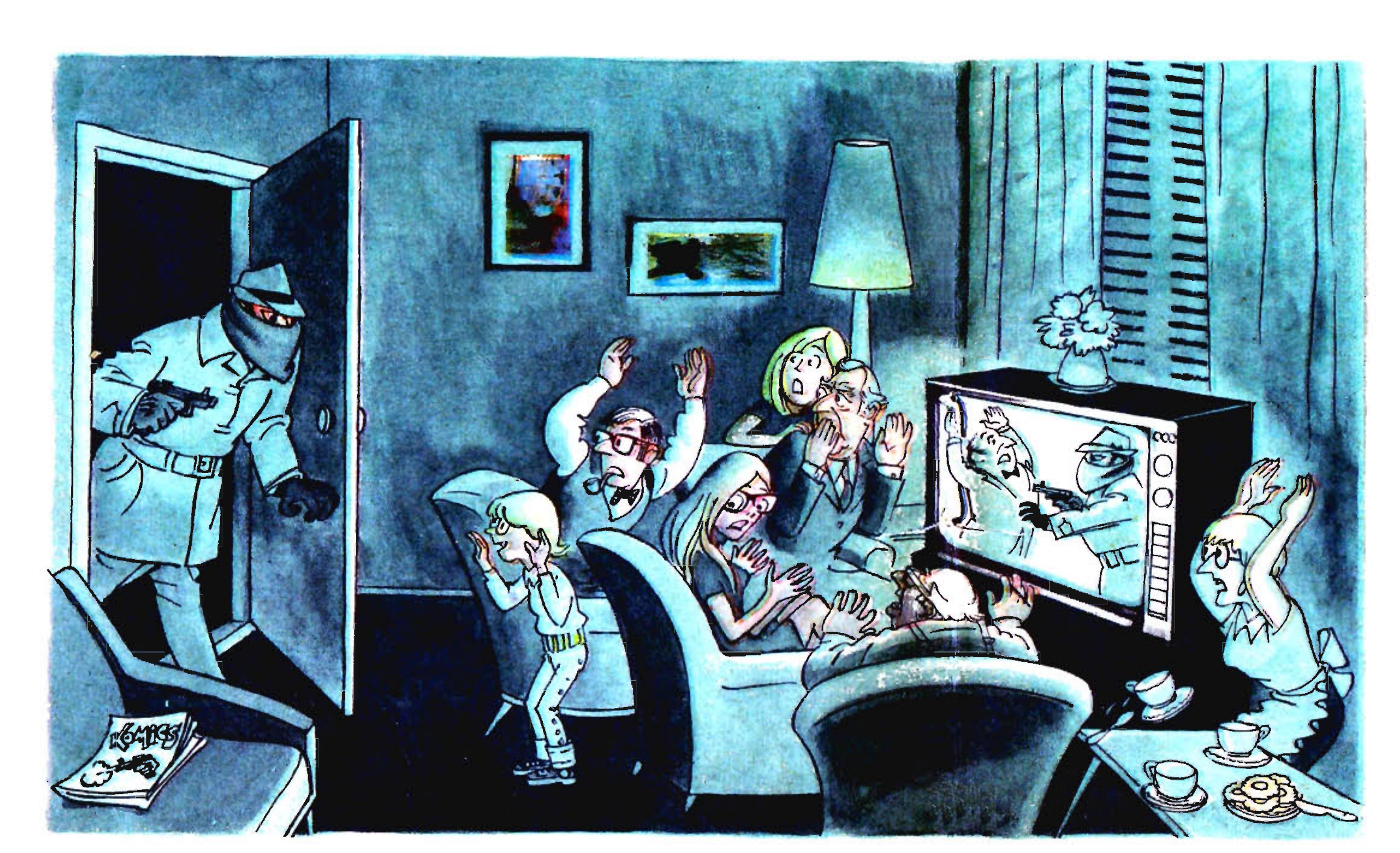
И вот на земле
Очутился советской
Джентльмен-
путешественник
С внешностью светской.
С улыбкой у рта —
Маскировкою злости,
Еще — с тайником
В синтетической трости.
Его не прельщают
Театры, музеи.

Он ездит,
На наши заводы глазея,
Он наши мосты
И составы считает,
К военным объектам
Пристрастье питает.
В порту он наводит
Свой новенький «кодак»
На все — от линкора
До весельных лодок.
И думает этот фотограф

Едва ли
О скором,
Отнюдь не туристском
«привале»,
Не очень удобном
Кирпичном жилище,
Казенной,
Не очень изысканной пище.

Мы любим гостей
И весьма б не хотели
Порой предлагать им
Такие «отели»,
Но лучших, увы,
По советским законам
Давать не положено
Всяким шпионам!

г. Иваново.

Искусство и жизнь.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

М. ВИЛЕНСКИЙ

КОЕ-ЧТО О ЦИФРОВОМ ГИПНОЗЕ

ЗАЯВКА НА ДИССЕРТАЦИЮ

«СРОДУ, СКОЛЬКО ЖИВЕМ, ДО СТАНЦИИ БЫЛО ШЕСТЬ ВЕРСТ. ПРИЕХАЛИ ЗЕМЛЕМЕРЫ, НАМЕРИЛИ ДЕВЯТЬ. ТЕПЕРЬ НАМ ТРИ ЛИШНИХ ВЕРСТЫ ХОДИТЬ».

Присказка

Цифры гипнотизируют. Числа странным образом владеют умами. Этот феномен давно заинтересовал меня. Скопились кое-какие любопытные наблюдения.

Например, одна знакомая дама купила шагомер и вечером заявила мужу: «Вот смотри, мучитель, пока ты на службе продавливал стул, я, не выходя из дому, отмахала по хозяйству двенадцать тысяч девятьсот семьдесят четыре шага. Так что иди, голубь мой, мыть посуду».

Раньше бы этот дамин муж черта с два стал мыть ей посуду, но 12 974 произвели на него такое гнетущее впечатление, что он послушно влез в фартук.

А один центрфорвард в предматчевой суете натянул на себя футболку защитника и вышел на поле, имея на спине двойку вместо привычной девятки. И что же вы думаете? Соперники, поддавшись магии цифр, перестали его стеречь, и он забил пять голов. Гипноз!

Но есть и более печальные примеры давления цифр на психику.

Был у меня знакомый — нахал и жизнелюб. Ежеутренне он заканчивал зарядку молодецким «хо-хо» на выдохе, а толпу на улице рассматривал как передвижную выставку дамских икр. И вдруг он вспомнил, что ему 61 год. Ничего у него не заболело, не закололо, просто он вспомнил, что ему не 16, а наоборот. Мысль о шестерке и единице подействовала на беднягу роковым образом. Вместо «хо-хо» от него теперь слышали только «хе-хе», да к тому же не после зарядки, а вместо. Человек увял на глазах, поддавшись исключительно гипнозу цифр.

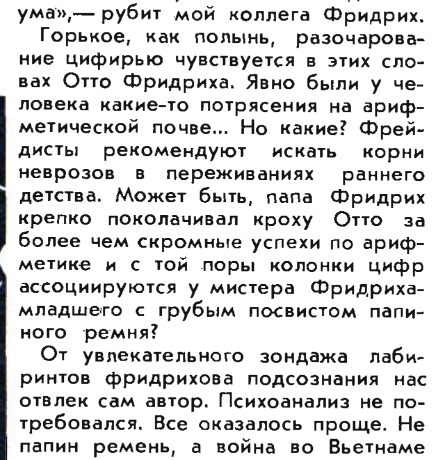
Охапка наблюдений, нанизанных на сквозную, не обязательно свежую мысль, всегда попахивает диссертацией. Но плоха диссертация, не поперченная эрудицией. А эрудиция — это прежде всего ссылки на иностранные источники типа: «См. Джон Пупкинс «Один, два, три», стр. 45 (John Pupkins «One, two, three», p. 45)».

Со ссылками дело у меня обстояло из рук вон худо. Ссылаться было не на кого. И вдруг он объявился — заграничный единомышленник, специалист по цифровому гипнозу. Пусть не Джон Пупкинс, а Отто Фридрих — что это меняет? Ничего. В американском журнале «Тайм» коллега Отто разразился эссе «О воображаемых числах». Он широко рассуждает, цитирует и язвит. На то, впрочем, оно и эссе.

«Подсчитано,— посмеивается Отто Фридрих,— что потомство 450 самок моли сжирает за год пищи весом с дизельный локомотив, что средняя домохозяйка перемывает за свою жизнь 2,5 миллиона единиц посуды, которая, если сложить ее кучей, окажется в 70 раз выше «Эмпайр стейт билдинг». Подсчитано также, что если погладить кошку по спине 9,2 миллиарда раз, то полученного таким образом электричества хватит, чтобы 75-свечовая лампочка горела ровно одну минуту».

Мистер Фридрих смеется над людским легковерием, а мне, представьте, не знаю, как вам, захотелось немедля изловить кошку, подключить ей к хвосту криптоновую лампочку и гладить, гладить назло Мосэнерго. Такова гипнотическая власть чисел...

Однако прежде чем создавать на дому КЭС[1], автор решил дочитать до конца эссе Отто Фридриха. На всякий случай. Может быть, американский единомышленник подбросит нам еще что-нибудь ценное для диссертации.

Но что это? Отто Фридрих оказался весьма хмурым мужчиной. Он не просто шутит над магией цифр. Он вообще не верит никакой статистике. Все цифровые данные он нехорошо обзывает «воображаемыми числами», потому что они якобы не отражают фактов жизни, а только «симулируют реальность». Неизвестно, мол, с какого потолка их брали, кто их множил и на что делил. А посему Отто Фридрих сурово рекомендует: «Нынче в любой области жизни самый лучший и уж наверняка самый честный ответ на просьбу сообщить точные цифры будет: «Никто не знает»... Но если любая статистика — симулянтка, чему же верить? «Свидетельствам чувств и наблюдениям ума»,— рубит мой коллега Фридрих.

Горькое, как полынь, разочарование цифирью чувствуется в этих словах Отто Фридриха. Явно были у человека какие-то потрясения на арифметической почве... Но какие? Фрейдисты рекомендуют искать корни неврозов в переживаниях раннего детства. Может быть, папа Фридрих крепко поколачивал кроху Отто за более чем скромные успехи по арифметике и с той поры колонки цифр ассоциируются у мистера Фридриха-младшего с грубым посвистом папиного ремня?

От увлекательного зондажа лабиринтов фридрихова подсознания нас отвлек сам автор. Психоанализ не потребовался. Все оказалось проще. Не папин ремень, а война во Вьетнаме породила в душе Отто рвотное отвращение к статистике.

Читаем:

«Годами Пентагон требовал, чтобы боевые части во Вьетнаме представляли ему воображаемые числа: счет трупов, пропорциональное соотношение убитых, количество каких-то затерянных деревушек, освобожденных из-под контроля Вьетконга (в процентном отношении). Располагая этими данными, электронные вычислительные машины объявили со всей определенностью, что мы идем к победе. Но наиболее тщательно вычисленная за всю американскую историю война оказалась наименее успешной».

Подумать только! Несчастный Пентагон пал жертвой собственного цифрового самогипноза. Оказывается, не колонны вьетнамских патриотов, а колонки цифр подкузьмили вашингтонских стратегов. И ведь что обидно: докладывали такие рекордсмены по части подсчета трупов, как капитан Медина, лейтенант Колли и сотни их коллег. А победы нет и не предвидится.

А может быть, все-таки не в цифровом гипнозе дело?

Да, пожалуй, в данном случае Отто Фридрих промахнулся. Фальшивые у Пентагона не столько цифры, сколько надежды, потому что цели преступные.

Ну, а в общем-то основной тезис мистера Фридриха звучит вполне здраво и возражений не вызывает. Да, гуляют, гуляют по белу свету кое-какие воображаемые, то бишь липовые, числа, не вызывающие доверия. И попадать под их гипноз не рекомендуется.

Скажем, 50 миллиардов долларов, которые осели за пределами США. Американские казначеи клялись, что за каждыми 35 долларами тускло поблескивает унция золотого обеспечения. Европейцы встали на цыпочки, приложили ко лбам ладошки козырьком и разглядели, что за зелененькими тускло поблескивает фига с маслом. На том кончился долларовый гипноз и началась долларовая паника.

В заключение хочется выразить признательность мистеру Отто Фридриху за то, что он своим эссе[2] любезно, хотя и невольно, помог нам в работе над сатирической диссертацией о цифровом гипнозе.

[1] КЭС — кошачья электростанция.

[2] Time Essay, Otto Friedrich. Of imaginary numbers. Time, august 2, 1971.

Андрей НИКОЛЬСКИЙ

ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

Я вот недавно побывал на одном процессе, послушал, как судили двух продавщиц за воровство. И сейчас, откровенно говоря, даже не знаю, какими словами про это дело и писать. Боюсь, как бы не угодить в соучастники. Да вы не улыбайтесь. Я серьезно.

Потому что жулик в наши дни пошел невероятно хитрый. Вот, скажем, напечатали в газете фельетон о жульничестве. Так он даже его ухитряется вывернуть для своей выгоды.

А разве фельетон для этого пишется? Он пишется, чтобы жуликам стыдно стало. А они, представьте себе, даже не краснеют. Сидят на суде и ухмыляются. Вроде как эти две продавщицы из десятого магазина Куйбышевского райпищеторга. Они попались на том, что разбавляли вино фруктовой водой. Вернее, в этот день разбавляла одна Нина Ушакова. А ее напарница Людмила Климова реализовала полученную продукцию.

И вот, значит, на предварительном следствии Ушакову спрашивают, как она до этого дела додумалась. А та дает показания, что, дескать, прочитала в газете фельетон, как люди таким манером разбавляют коньяк. Пример, достойный подражания... Откуда она этот метод и почерпнула. А потом успешно стала применять в своей практике.

Надо сказать, что до этого суда я неизвестно почему был каким-то наивным оптимистом. Даже самому смешно. И когда в повседневной жизни мне или кому другому недовешивали сколько-то граммов колбасы или недоливали на два пальца пива, я считал: этих продавцов не сажают за решетку только потому, что у нас самые гуманные в мире покупатели. Жалеют они этих воров и не хотят портить им жизнь из-за каких-то граммов.

Однако после суда я подумал, что не только люди, но и законы, относящиеся к преступлениям такого рода, у нас, пожалуй, тоже самые гуманные. Во всяком случае, взять вора-продавца голыми руками трудновато.

Вот, например, работники милиции давно подозревали, что в магазине № 10 с вином допускаются милые шалости. Приходили менее гуманные покупатели, жаловались на подозрительную укупорку, вино отправлялось на экспертизу, появлялись акты, где говорилось, что вино разбавлено и в некоторых бутылках чуть ли не на четверть. И тем не менее для привлечения к суду этих улик было маловато.

К счастью покупателей, есть на свете ОБХСС. Довольно серьезная организация. А не будь ее, наверно, на три четверти водой разбавляли бы. Не знаю, как насчет нахальства, а воды у нас хватит.

И вот, чтобы поймать продавщиц за руку, ОБХСС провел операцию, в которой сделано все было чисто и аккуратно. В одно прекрасное утро молодые люди в штатском подошли к прилавку, сделали контрольную закупку и, перепрыгнув через прилавок, побежали в подсобное помещение. Потому что иначе туда попасть было нельзя.

Воображаю, как наши голубушки растерялись. С мест приказано не сходить, эксперт на бегу фотографирует, а в подсобке у них целый винзавод в миниатюре. И воронка, и ключ для открывания бутылок, и посуда, и пробка... А главное, сама Ушакова с бутылками в руках стоит и удивляется: что это за народ и чего ему надо? Так с разинутым ртом и на фотографии получилась.

Сами посудите, как одному обворованному покупателю такую грандиозную операцию провести? Что он может? В крайнем случае только истошно кричать, требуя жалобную книгу, которую ему скорей всего и не дадут. И толку от его возмущения никакого не будет.

Итак, операция закончена успешно. Воры пойманы с поличным, деваться некуда. И вы думаете, продавщицы сознались? Ни в коем случае!

Я сначала никак не мог понять причину такого упорства, которое прежде всего вредило самой же подсудимой. Тем более на предварительном следствии обе продавщицы признались, что действовали заодно. Ушакова рассказала, как давно она этим занимается, сколько бутылок в день разбавляла, какую имела выручку и с кем делилась. А на суде обе неожиданно отказались от первоначальных показаний.

Причина весьма проста. Дело в том, что тогда, за прилавком, продавщицам очень уж не терпелось получить за свою продукцию деньги. Настолько не терпелось, что они даже не заглянули в уголовный кодекс. Просто чтобы поинтересоваться, сколько за это дадут. Так сказать, повысить уровень своей юридической эрудиции.

А поскольку они не читали эту полезную книжку, то вначале сгоряча стали рассказывать следователю друг о друге всякие подробности. Опять же понятно, почему: ни одна не хотела, чтобы напарница вышла сухой из воды. Вполне человеческие чувства, если хотите. Ушакова, между прочим, заявила на суде буквально следующее:

— Мне было как-то интересно потащить за собой свою приятельницу.

Когда они посидели в тюрьме и стали достаточно грамотными по юридической части, выяснилось одно неожиданное обстоятельство: если обманывать покупателя в одиночку, то за это полагается срок до двух лет. А если вдвоем — то это уже сговор, и срок подскакивает до семи лет. Вы понимаете, как долго продавщицы колебались с выбором. Отсюда на суде и возник тот клубок вранья, который судья Ирина Николаевна Мосина распутала весьма умело и хладнокровно.

Забегая вперед, скажем, что и Ушакову и Климову лишили свободы на три с половиной года.

Тем не менее зал встретил приговор без энтузиазма. Здесь надо сказать, что судебное заседание велось не в помещении народного суда Куйбышевского района, а в красном уголке райпищеторга. Это была выездная сессия. В зале сидели в основном продавщицы, которые, по идее, должны были наматывать это дело на ус.

И я был несколько удивлен, когда перед началом заседания появился директор Куйбышевского райпищеторга товарищ Байгельман и произнес прочувствованную речь. Он упирал главным образом на то, что сидящие здесь продавщицы должны все правильно понять и правильно себя вести.

Суть его иносказаний заключалась в следующем: месяц назад здесь та же выездная сессия судила продавщиц за обман покупателей, а проще говоря, за воровство. И аудитория, «не поняв все правильно», столь бурно возмущалась действием судей, что даже мешала вести процесс.

И на сей раз призыв товарища Байгельмана не достиг цели, аудитория шумела, но судья Ирина Николаевна Мосина призвала ее к порядку одним ядовитым вопросом.

— Я не понимаю, — сказала она, — почему, когда идет разговор о том, как продавщицы воровали, вы сидите спокойно? А когда рассказывают, как их разоблачили работники ОБХСС, вы возмущаетесь?

После этого в зале стало тихо. Настолько тихо, что начал проясняться еще один побочный вопрос, который тоже имеет прямую связь с данной историей. Это вопрос о пробке.

Дело в том, что в результате долгих эволюций хорошая, добротная пробка на винной бутылке превратилась в жалкую пластмассовую затычку, вынуть которую не составляет никакого труда.

Конечно, если некоторых продавцов слишком долго дразнить такой пробкой, они могут не выдержать. И это вполне естественно. Вполне человеческая слабость, если хотите. Но со стороны министерства торговли не очень-то гуманно подвергать свои кадры столь длительному искушению.

Примерно такие мысли и высказывались на процессе в связи с этим делом. Что ж, мы вполне с ними согласны.

ТВЕРДОКАМЕННЫЙ

Надо отдать должное директору совхоза «Приозерный» Николаю Михайловичу Постовалову — крепкий он человек, железный. Уж как на него наседают рабочие из-за бани, вернее, из-за того, что ее нет! Только напрасны их старания — не сдается.

Жалуются на него в областной центр — в Тюмень. Не строит.

Уходят люди в рабочее время в Ялуторовск, в баню, за двадцать километров от совхоза. Закрывает глаза.

Грозят вообще уходом из совхоза. Ничего не слышит. Одно слово — кремень!

Пусть знают: у директора арактер твердокаменный, диектор скорее один в совхозе станется, чем сдастся любителям попариться в баньке.

Б. САВЕЛЬЕВ

Не в бровь, а в глаз

Ученые утверждают, что за последнее десятилетие человек вырос на целых десять сантиметров.

К сожалению, это открытие пошло мимо исполкома гор. Клинцы, Брянской области.

А вот и результат. Как видите, трогательная забота о безопасности пешеходов, лишенная научного обоснования, кончается печально.

Л. ГУДКОВА

БАРНАУЛЬСКИЙ КОЛИЗЕЙ

Располагая всего лишь частью наружной стены, творение древнеримских зодчих Колизей купается в лучах всемирной известности.

Дитя современной барнаульской архитектуры — Дворец культуры шинников, представленный на фото, присланном читателем В. Юденковым, сохранил не только стены, но и оконные переплеты. Тем не менее этот очаг культуры, замороженный «Барнаулжилстроем» в 1967 году, мало известен. По этой причине барнаульский собрат Колизея до сих пор не стал местом паломничества туристов, под охраной государства не состоит и растаскивается по кирпичикам местными домовладельцами.

И. КАРПОВ

Оптимистическая трагедия

— Так что теперь будем делать? — спросил меня надломленным голосом шофер нашей больницы.

Вопрос был задан по существу. После осмотра больничного грузовика, только что вышедшего из рук умельцев с Рославльского авторемонтного завода, выяснилось, что ехать на нем невозможно. Насчитали мы в грузовике восемнадцать дефектов, каждый из которых обошелся больнице в сорок целковых. Всего содрал с нас завод за такое криворукое обновление 725 рубликов.

Будучи оптимистом, я утешаю себя мыслью: как хорошо, что рославльские авторемонтники лечат только машины, а не людей!

М. СМИРНОВ,
зам. главврача больницы

пос. Новодугино,
Смоленской области.

— Не допустим простоя в ожидании стройматериалов!

Рисунок И. СЫЧЕВА

ДЫМ БЕЗ ОГНЯ

Хотелось закурить, но зажигалка оказалась без бензина.

— Не найдется ли огонька? — спросил я у прохожего.

Тот извлек из кармана коробок спичек, чиркнул и... исчез в облаке дыма.

Легкий ветерок рассеял облако, и прохожий возник передо мной, словно птица Феникс. Феникс чертыхнулся, достал другую спичку — и опять скрылся из моих глаз.

Я попытался зажечь спичку сам. В тот же миг меня окружил густой ядовитый туман.

Коробок почти опустел, а мы все стояли друг перед другом, как две дымовые шашки. Вдруг очередная спичка ярко вспыхнула, опалив прохожему руку, а мне — бороду и уши.

— Благодарю, — сказал я, с наслаждением затягиваясь сигаретой и разглядывая этикетку на коробке.

Это были спички Туринской фабрики.

Ю. УФИМЦЕВ

г. Карабаш,
Челябинской области.

Мелкие ДРЕБЕЗГИ

Я стоял и довольно громко смеялся. Честно скажу, я себя особенным красавцем не считаю. Но тут я превратился в такого уж некрасавца! Левое ухо выросло с лопух. Одно плечо поднялось выше головы. А правого уха я вообще не нашел. Ниже шеи я стал полосат и ступенчат.

Меня подвела детская привычка любоваться собою в стеклах витрин. Я поглядел в большое окно строящейся столовой Московского кооперативного института. Это я стоял в Новых Мытищах. И все громче смеялся.

Рядом со мной также отразились трое в темных плащах. Плащи были задумчивы.

— Очаровательное стекло! Золотое стекло! Редкостное стекло! А вам смешно! — сказали трое, оказавшиеся руководителями специализированного строительного управления отделочных работ треста «Мособлстрой» № 23.

— Почему вы хвалите предмет, по ошибке не попавший в комнату смеха? — с удивлением спросил я.

И мне все объяснили. Стекло и очаровательное, и золотое, и редкостное по одной причине — потому что оно целое.

— В чем же гвоздь вашей странной концепции? — продолжал не понимать я.

— Гвоздь — в гвозде. Который в ящике, — гласил ответ.

Меня подвели к огромным ящикам с витринным стеклом. Вернее, с бывшим стеклом. Ветвистые трещины на бывшем стекле росли из места, где сквозь доски пророс обыкновенный добротный гвоздь.

— И вот так каждый раз, — сказали строители. — Чтобы найти одно целое стекло, надо перерыть гору осколков. Теперь вы поняли, почему это окно в будущей столовой золотое? Один лист стоит полсотни рублей.

— Вы, наверное, жаловались? — спросил я.

— С Саратовским заводом технического стекла мы прямых отношений не имеем. Получаем «витринку» уж не первый год из треста «Мособлстройкомплект» № 2 Главмособлстроя. «Стройкомплект» сам стекло не проверяет. И нам не разрешает. Заместитель управляющего этого треста И. Мартынов указывает: «Раз вы получили стекло в ненарушенной заводской упаковке, то ответ должен держать изготовитель...» Но привлечь его к ответу никак нельзя, ибо прошли сроки, пока ящики со стеклом лежали на базе.

И я подумал: пока мы тут беседуем, некто в цехе упаковки стеклозавода большим молотком, сиречь кувалдой, загоняет очередной гвоздь в очередные пятнадцать листов витринного стекла. И прямо с завода уезжают сплошные дребезги...

ЭР. ЭДЕЛЬ

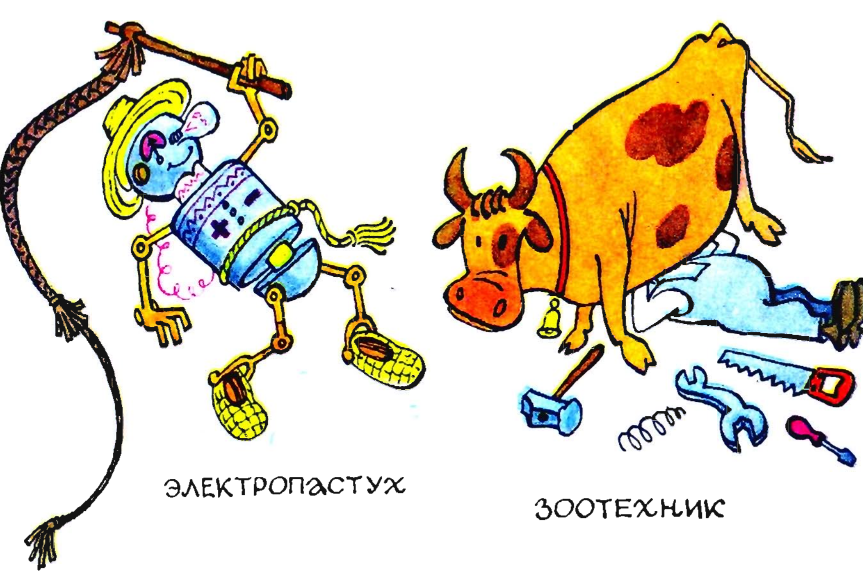
— Ему, матушка, без маски нельзя: лицо всему району известное!

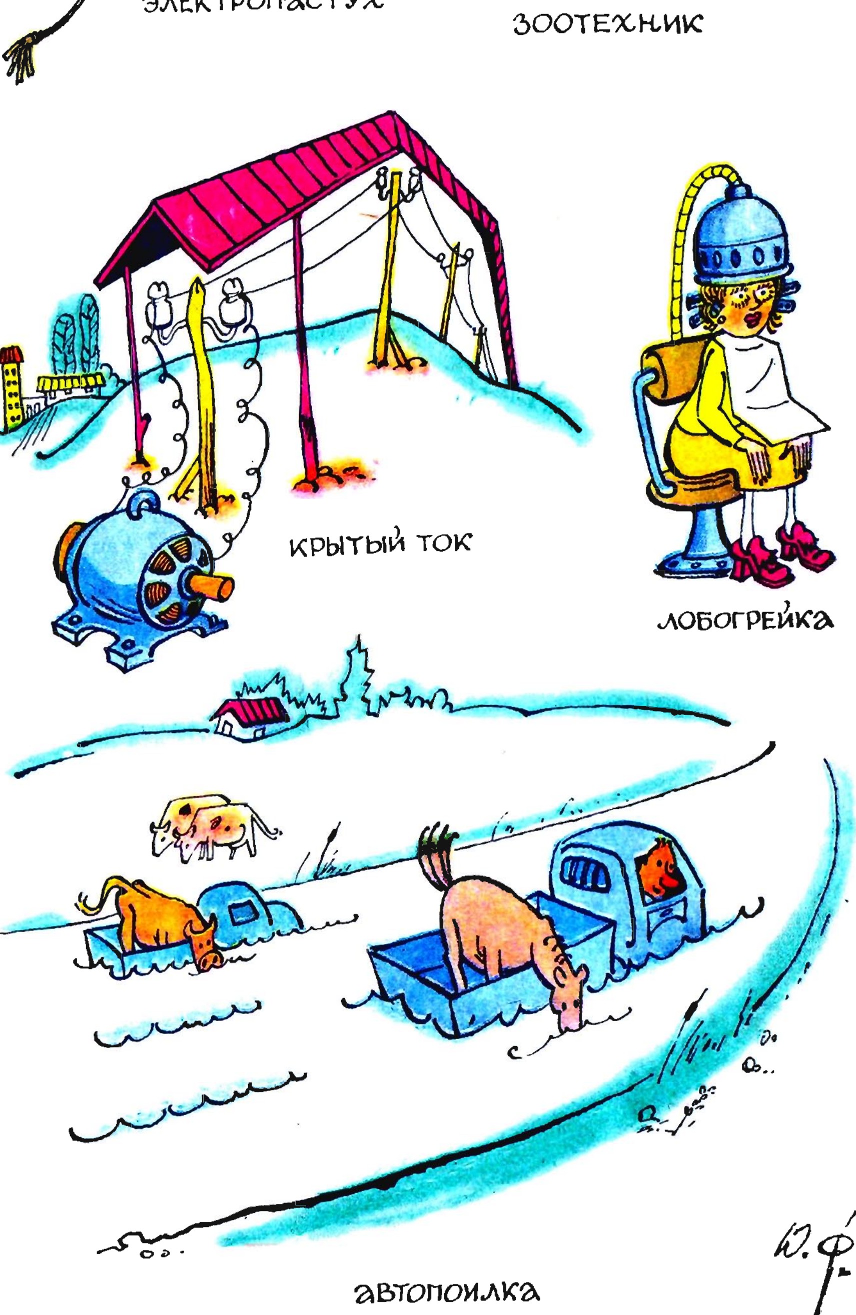
Рисунок Е. ШУКАЕВА

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Л. ЕМЕЛЬЯНОВ

Рассказ

МАРИЯ ТРОФИМОВНА

Я сидел в кафе «Солнышко» и ел суп.

— Извините, — сказала подошедшая ко мне женщина в белом халате. — Вы кого-нибудь еще ждете или один отдыхаете?

— Один.

— Тогда, если позволите, к вам сядет еще один человек.

— А почему ко мне? — удивился я. — Разве нет других свободных столов?

— Есть, конечно, — вздохнула женщина, — но Мария Трофимовна любит посидеть у окна. Она свет обожает.

— А кто вы, собственно? — спросил я.

— Как кто? — удивилась женщина. — Директор «Солнышка», Клавдия Петровна.

— Тогда, может быть, пересесть мне? — предложил я.

— Ни в коем случае! — нахмурилась директор. — Мария Трофимовна одиночества не выносит. Вероятней всего, она с вами будет о чем-нибудь говорить. Интересоваться...

Я подчинился.

— Хочу вас предупредить, — в голосе Клавдии Петровны зазвенел металл, — чтобы вы не выпивали! Мария Трофимовна пьяных не уважает. Злится она...

Я согласно кивнул и доел суп. У меня взяли тарелку, сменили прибор. Постелили скатерть. Положили салфетки. Поставили вазу с цветами. Налили в графин воды. Включили настольный вентилятор. Принесли меню. Подмели пол. И убрали пепельницу.

— Мария Трофимовна дым не переносит, — объяснила мне директор. — Кашляет она от табака...

...Я доедал котлету, когда хлопнула дверь и в кафе вошла скромно одетая пожилая женщина. По стойке «смирно» вытянулся швейцар. Одернула платье буфетчица. Пригладила волосы директор. Лично я поправил галстук.

— Это, что ли, «Солнышко»? — спросила женщина.

— Так точно, Мария Трофимовна! «Солнышко»! — От волнения директор осипла. — Прошу любить и жаловать нашу скромную обитель...

В зале появились подтянутые официантки и повара. Во главе шел администратор.

— Вот они, наши кадры! — восхищенно глядя на людей, сказала директор. — Бойцы невидимого фронта, так сказать, повара. А это — видимого, — директор протянула руку, — официантки и, так сказать, метрдотель.

Каждый, кого перечисляла директор, делал шаг вперед.

— А это кто? — показала женщина на меня пальцем.

— Никто, — сухо ответила директор. — Завсегдатай. Забрел случайно. Суп скушать.

— А у него котлета, — строго заметила женщина.

— Котлета, — согласилась директор. — Захотел после супа котлету. Ну, мы и подали, — добавила она, смерив меня гневным взглядом. — Но вообще-то наше кафе на хорошем счету, — снова улыбнулась директор. — Переходящий вымпел имеем. Показатели высокие. Отличное у нас кафе! Хотите посмотреть книгу благодарностей?

— Не надо... — сказала женщина и, повернувшись, зашагала к выходу.

— Куда же вы? Мария Трофимовна, голубушка! — запричитала директор. — Вам что-то не по душе? А откушать? А? Вы уж не обижайте коллектив! Пожалуйста! — Поддерживая женщину под локоток, директор подвела ее к моему столику. — Тут и вид есть, и вот молодой человек наготове. Если хотите, он может с вами поговорить. За трапезой, так сказать.

Директор тяжело наступила мне на ногу. Я кивнул головой.

— Откуда вы, молодой человек? — полюбопытствовала женщина, усаживаясь напротив.

— Студент он! Откуда же ему взяться... — ответила за меня директор, хотя я вовсе и не студент. — Покушать пришел и отдохнуть. Сейчас уйдет.

— Да пусть сидит, — разрешила Мария Трофимовна. — У меня у самой дочь студентка.

Меня оставили в покое и принесли кофе.

— Дымно у вас, — потянула носом Мария Трофимовна.

— Есть дымок, — вздохнула директор, — но мы завтра вывешиваем табличку «не курить».

— И «не сорить», — добавила Мария Трофимовна.

— И «не плевать», — подсказала директор.

— И «вытирайте ноги», — дополнила Мария Трофимовна.

Все немного помолчали.

— У вас до одиннадцати? — снова спросила Мария Трофимовна.

— До половины.

— Нехорошо, — нахмурилась Мария Трофимовна.

— Нехорошо? — всполошилась директор. — Тогда я завтра в исполком побегу. Добьюсь, чтобы до десяти.

— До десяти лучше, — кивнула Мария Трофимовна.

— Действительно! — заулыбалась директор. — Людям спать пора, на работу утром, а мы их тут до пол-одиннадцатого задерживаем... Я даже думаю, что добьемся и до девяти. Нам пойдут навстречу!

Я допил кофе, положил на стол деньги и поднялся.

— Куда вы? — грозно спросила меня директор. — А если беседа будет?

— Пусть идет, — согласилась Мария Трофимовна и подала мне руку...

— Кто эта Мария Трофимовна? — спросил я при выходе у швейцара. — Ревизор, что ли, или управляющий трестом?

— Да нет же, — ответил мне швейцар и показал на вывешенное у двери объявление, напечатанное типографским способом. Оно гласило: «Кафе «Солнышко» требуется уборщица».

Поэзия: доверительные строки

Ленинград, Б-ву А., предложившему редакции:

И он решил не оставлять уюта.
Пускай в чащобы лезут чудаки.
Поужинав, в вечерние минуты
Он залезал в науки уголки.

Лазить по уголкам науки на сытый желудок не такое уж легкое занятие, как вы думаете. Лучше бы Ваш герой проникал в уголки натощак. В утренние минуты.

г. Набережные Челны, И-ву Г. А., сетующему:

Я через сердце пропускаю строчки,
На рифмы леденящие дышу.
Над И литконсультанты ставят точки,
А я пишу, пишу, пишу, пишу.

Просим приостановить конвейер по пропусканию строчек через сердце и хотя бы временно не писать, так как у наших литконсультантов временно кончились точки.

Киевская обл., г. Бровары, К-оф Р. З., от которой получено ценное письмо весом в 30 граммов (почтовый сбор — 32 копейки) с двумя сургучными печатями и следующей описью:

Опись
вложений в ценное письмо
Куда: г. Москва
Редакции журнала „Крокодил"
Кому: гл. редактору

№ п/п	Наименование предмета	Кол. пред.	Объявл. ценность в руб.
	Письмо на семи стр. 45 строк		
	В нём стихов семь шт.		
1	„Витамины"	121 ст.	
2	„Общепит или Будут песни о том мой"	68 „	
3	Ремонт зимой	77 „	
4	Перчатки	72 „	
5	Привет тебе, весна	97 „	
6	Расцвела верба	46 „	
7	Барбарис	32 „	

Общий итог ценности Десять руб.

Подсчитаем, во что Вы оцениваете свое слово. В письме 167 слов, в стихах — 513. Итого — 680 слов. Разделив общий итог ценности на количество слов, находим, что каждое написанное Вами слово стоит ни много ни мало 1,4 копейки. Вес слова (30 граммов, деленные на 680) равен 0,04 грамма.

Теперь нам понятно Ваше восклицание:

«Слова мои, крылаты будь!..»

Как не пожелать им крылатости, если 40 слов, изреченных Вами,— это кило свежемороженой трески, сто слов — полкило голландского сыра, а, скажем, десять тысяч — новенькая радиола!

Вы мне писали

КСТАТИ О СТУЛЕ Ж612—653/1—3

Дорогие товарищи Городилов, Шувалов и Колыхалова из Барнаула!

Вы жаловались на скверные стулья «Алтаймебельпрома». Мы попросили ответить на ваше письмо руководителей объединения. Вот что они нам сообщили:

Вообще-то «стул Бийской мебельной фабрики инд. Ж612—653/1—3 изготовлялся в соответствии технической характеристики, чертежам, прейскурантным описанием и требованиям МРТУ «Мебель бытовая».

Вообще-то стул «испытывался в лаборатории ВПКТИМ на жесткость конструкции, которую выдержал».

Вообще-то «стул предназначен для эксплуатации только в бытовых условиях, но не в административных помещениях и кабинетах»(?)

Вообще-то «стул инд. Ж612—653/1—3 с производства снят».

Вам все ясно? Нам тоже все. За исключением одного — почему снят с производства такой замечательный стул?

Читатель—читателю

Прочитала я в № 22 заметку читателя С. Сарана «Грустят тополя». О том, что в Туле к деревьям разные плакаты, вывески и объявления гвоздями приколачивают. И подумала: хотя тов. Сарана и обижается на тульских деятелей, но они хоть оставляют то, к чему приколачивать. У нас же в городе начисто очищают с помощью топоров целые скверы, как, например, на улице Дальней.

А возле привокзальной площади и без топоров гибнет некогда пышная березовая роща. Засыпали ее землею с соседней стройки, некуда теперь уходить талой воде, вот и гниют деревья...

Если бы ты видел, какой могучий клен стоял возле кинотеатра «Россия»! Нет теперь клена — срубили под корень. Только потому, что из-за дерева плохо был виден кинотеатр. Эстеты, ничего не скажешь!

Словом, я бы согласилась, чтобы наши деревья несли на себе любые дощечки-плакаты. Особенно с таким текстом: «Дорогие товарищи из горсовета, пощадите нас!»

А. Журавлева

г. Пермь.

КРОКОДИЛЬСКИЙ УЗЕЛ СВЯЗИ * НОЯ 1971 *

Реплика художнику

В № 13 «Крокодила» опубликована реплика доцента П. Штэпы художнику Г. Андрианову — автору рисунка «К защите диссертации готов!», помещенного в № 5. Реплика заканчивается призывом к людям науки «высказаться чистосердечно по затронутому вопросу».

Я пока не ученый, а молодой инженер, вчерашний студент. Но я хочу высказаться.

Вот мое мнение. Одно дело, когда мы, окончившие вуз в количестве 50—60 человек, затратим по пятерке, чтобы отпраздновать свой выпуск и пригласить на торжество наших преподавателей. Против этого, думаю, возражений быть не может.

Не осуждаю я и молодого кандидата наук, который у себя дома, в кругу семьи и добрых знакомых, от которых никак не мог зависеть успех защиты, скромно отпраздновал «возведение в степень».

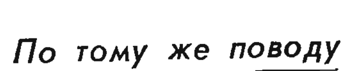
Но совсем иное дело, когда человек должен затратить сотни рублей, чтобы ублаготворить алчущих и жаждущих, требующих от него богатого угощения (не во всеуслышание, конечно) только на том основании, что они имели какое-то влияние на ход защиты и еще могут повлиять на успешный ход дальнейшего оформления документов. Это самая обыкновенная взятка, какими бы торжественными речами она ни сопровождалась.

Когда же новорожденный ученый не дает банкета, на него дуются, называют его Скупым рыцарем, Плюшкиным. Но это еще полбеды! Отказ от устройства банкета влечет за собой задержку оформления «корочек»: надо, дескать, проучить скупердяя!

Этому дурному обычаю пора положить конец.

А. РУДНИК

г. Брянск.

По тому же поводу

ЕЩЕ О ШИНАХ С ПЕЧАТЬЮ

Дорогой Крокодил!

В 23-м номере я прочел заметку под названием «Шина с печатью», в которой рассказывалось о том, как Волжский шинный завод поставил Воронежской станции «Скорой помощи» бракованные шины.

У меня точно такая же история. И не только у меня. Очень грустную картину наблюдаю я в соседнем таксомоторном парке. Там во дворе высится целая гора выброшенных покрышек Волжского завода, не прошедших и половины срока.

До каких пор завод будет выпускать брак?

Ф. Филиппов,
инвалид Великой Отечественной войны

г. Сланцы, Ленинградской области.

Дорогая редакция!

Прочитали мы заметку «Шина с печатью» и огорчились: почему вы не указали точный почтовый адрес Волжского шинного завода? У нас к ним тоже есть дело. Шины этого завода вздуваются и лопаются на наших машинах, пробежав всего 2—4 тысячи километров.

Н. Шатунов,
зам. директора по АХЧ Института патологии кровообращения.

г. Новосибирск.

Уважаемые товарищи!

Мы только что получили письмо директора Волжского шинного завода тов. Гайдукова по поводу заметки «Шина с печатью». Тов. Гайдуков сообщает редакции, что критика в адрес завода признана правильной, фельетон обсуждался на собрании рабочих, на совещании начальников цехов и отделов завода, в партийном комитете завода.

Автопокрышки размером 6.70—15 преждевременно выходят из строя в результате производственного дефекта. Разработаны мероприятия по повышению качества этих шин.

Итак, мы надеемся, что волжские шины будут бегать столько, сколько им положено.

Памяти Л. Д. Митницкого

Уже много лет мы называли его старейшим крокодильцем. Однако его энергии, бодрости духа, творческому горению могли позавидовать и юные литсотрудники.

На трудную стезю журналистики Лазарь Давидович Митницкий вступил еще в дореволюционные годы. Рассказы, фельетоны, пародии никому тогда не известного автора печатались в юмористических журналах «Новый Сатирикон» и «Будильник».

Гражданская война... Л. Д. Митницкий воевал с врагом оружием публициста, редактируя красноармейские газеты. В 1920 году вышли его первые книжки: «Красный смех» и «Конец барона».

В 1921 году Л. Д. Митницкий вступает в партию.

В двадцатые и тридцатые годы он работал на ответственных постах в газетах «Правда», «Красный воин», «Уральский рабочий», в журналах «Прожектор», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Большевистская печать», был ответственным секретарем «Крокодила». В составе шефских бригад побывал на многих крупнейших стройках тех лет.

Когда началась Великая Отечественная война, Л. Д. Митницкий ушел в действующую армию в качестве военного корреспондента «Правды». С корреспондентским блокнотом он дошел до Берлина.

После войны Л. Д. Митницкий работал разъездным корреспондентом сначала «Правды», потом «Крокодила».

Талантливый журналист, он в совершенстве владел всеми жанрами публицистики, но самыми любимыми для него всегда были сатира и юмор. Пятнадцать книжек вобрали в себя лишь часть того, что было им опубликовано в периодической печати.

До последнего дня жизни Л. Д. Митницкий не выпускал из рук перо, работая в трудном жанре сатирического афоризма.

Мы сохраним о Лазаре Давидовиче Митницком светлую память как о боевом коммунисте-журналисте, талантливом сатирике, душевном человеке.

Игорь ФИЛЕНКОВ

Душа без понятия

— Подождите-ка, голубчик,— сказал начальник цеха Жихарев мастеру Покладкову.— Еще не все, уважаемый. Я слышал, вы, Иван Матвеевич, в разговоре с рабочими часто, так сказать, срываетесь. У них, естественно, падает настроение. А в конечном счете это отражается на производительности труда. В общем, будьте, пожалуйста, покультурнее. Вы меня поняли, дорогой?

Несколько секунд Покладков тупо глядел в сутулую спину уходящего Жихарева.

Блеющий тигр удивил бы его гораздо меньше, чем начальник, который впервые за двенадцать лет обратился к нему на «вы», назвал по имени-отчеству, да еще упомянул о какой-то культуре.

К Покладкову подошел мастер Гришаев и попросил спичек. Иван Матвеевич кивнул в сторону Жихарева и спросил:

— Он у нас сегодня... не того, а?

— Запел соловьем, что ли? — понимающе усмехнулся Гришаев.— Знаю, знаю. У них вчера лекция была в заводоуправлении. Какая-то там производственная психология.

— Дела...— мрачно усмехнулся Покладков.

В цех в это время влетел патлатый парнишка. При виде мастера он замедлил шаг и виновато развел руками. Покладков взглянул на часы — было уже половина девятого.

— А ну, ты! — заорал он, подходя к токарю.— Ты что...— Он вдруг вспомнил про разговор с начальником, и заберистое словечко застряло у него в горле.

— Ты...— начал он тоном пониже.— Ты... Ничего, голубчик. Все прекрасно, уважаемый. Будьте здоровы. Спасибо.

А на следующий день Покладков подал директору заявление об уходе.

— Что это вы надумали? — спросил директор.— Столько лет...

— Наука, оно, конечно, хорошо,— забормотал мастер,— но душу понять не может...

— Что?!

— Переезжаю в другой город! — твердо сказал Покладков.

В другой город он не переехал, а устроился на соседний завод.

Недели через две он столкнулся на улице с Гришаевым.

— Ну как на новом месте? — первым делом спросил тот.

— Переходи к нам! — категорически сказал Покладков.— Не пожалеешь!

— Да-а... У тебя, Матвеич, такой вид, словно праздник справляешь.

— А ты думал,— гордо сказал Покладков.— Праздник и есть. Меня цеховой сегодня такими словами покрыл — до сих пор в душе музыка играет. И никакой тебе производственной психологии!

Нарочно не придумаешь

«ЧИСТОТА — ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ УМЫВАТЬСЯ, МЫТЬ ОВОЩИ, ФРУКТЫ ЗАПРЕЩЕНО».

(Объявление на пляже в Алуште).

Доставил **Ю. Соколовский**, г. Новосибирск.

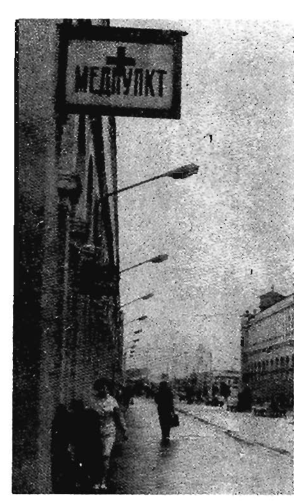
«Выполняем надписи на памятных подарках и сувенирах, как-то например: «Поздравляем с браком сочетания» и другие».

(Из объявления гравировальной мастерской).

Списал **В. Шмыголь**, г. Орехов, Запорожской области.

«Объявление
Тов. Жильцы!
18 августа 1971 г. в 5 часов вечера будет производиться гидравлическая промывка системы отопления Вашего дома 69-б. Просьба всем быть дома. За последствия не отвечаем.
Администрация СУ-4 и жэк № 21».

Доставил **В. Кондратьев**, г. Астрахань.

Ленинград, Варшавский вокзал.
Фото **Н. Чернякова**.

Позор тебе, Ахмед!

Рабочий день кончился. Заведующий, буфетчик, повар и официант подсчитали выручку и закрыли столовую.

— Доброй тебе ночи, Ахмед! — как обычно, попрощались они с ночным сторожем болнисской столовой № 2 Ахмедом Али-оглы Караевым.

— Будьте спокойны! — ответил Ахмед.

Стемнело. Все реже и реже звучали по улицам шаги запоздалых прохожих. Наконец все стихло. Месяц выглянул из-за гор и подмигнул своему ночному спутнику — сторожу столовой.

И вдруг что-то зашумело в сквере по ту сторону улицы. Ахмед насторожился.

«Собака? Кошка? А если... вор? Постой, постой,— приложил Ахмед палец ко лбу,— вдруг он и вправду пожалует? Что тогда делать? Выстрелить? Господи, вор же не дурак, не полезет прямо под дуло. Скорее всего он подкрадется сзади и всадит в спину нож. Господи, пронеси!»

Ахмед, задрожав всем телом, взвел курок и весь превратился в слух. Однако ему удалось преодолеть страх. Прислонив ружье к стене, сторож закурил.

«Стыдно тебе должно быть, Ахмед! Собственная фантазия напугала,— стал стыдить себя сторож.— Лучше лечь и поспать».

Лежит Ахмед на шинели у стены, а уснуть не может.

«Если во время моего сна действительно придет вор, как он проникнет в столовую? Дверь взломать не посмеет — я услышу. Но не возвращаться же ему с пустыми руками. Он обязательно что-нибудь придумает. По-моему, так. Столовая выходит на территорию базара, вор перелезет через базарные ворота, вынет стекло из окна столовой, которое еле-еле держится, и пролезет внутрь кухни. Впрочем, что он там найдет? Самое большое — три порции кебаба и столько же бугламы! Нет, вору нужны деньги, а деньги в буфете. Как он проникнет в буфет? Из кухни в столовую пройти легче легкого: в перегородке раздаточной такое окно, что буйвол пролезет. А оттуда — в буфет, откроет кассу, и красненькие десятирублевки с зелеными пятидесятирублевками засияют перед ним. За какие-нибудь полчаса вор загребет столько, сколько я и за год не соберу. Вот счастливчик!

Постой, постой! — вдруг, как ужаленный, вскочил Ахмед.— Нет уж, ворюга! Чтобы ты за один час разбогател, а я тут каждую ночь глаз не смыкал... Не выйдет!».

Ахмед, спрятав ружье в надежное место, перемахнул через ворота, в один миг вынул стекло из окна кухни, пролез туда, потом через окно раздаточной — в столовую, оттуда зашел за прилавок...

Однако его опередили.

— Что ты здесь делаешь, Ахмед? — спросили струхнувшего сторожа работники болнисской милиции.

— Опыт проводил. Хотел проверить, сможет ли вор сюда проникнуть.

— Ну и как прошел опыт?

— Плохо дело. Необходимо заменить раму в окне кухни.

— А сторожа случайно не нужно заменить?

— Ну что вы! Ко мне в столовую еще ни один вор не прокрался.

— Прокрался, Ахмед!

— Кто?

— Ты.

— Значит, тот самый вор, которого я ждал не смыкая глаз, я и есть? Позор тебе, Ахмед!

Г. ШАВЕРЗАШВИЛИ

г. Тбилиси.

Дружеский шарж
КУКРЫНИКСЫ

Ганс ЗАЙФЕРТ (ГДР)

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СТРАННО КИВАЛ

Приезжая в Вашингтон по делам, мистер Паркер обычно останавливался у своего друга и бывшего компаньона Буттерворта. Прогуливаясь в вечерний час вдоль Потомака, друзья повстречались с человеком, который монотонно, как заведенный, кивал головой.

Он шел, глубоко задумавшись, и кивал в такт собственным шагам. Приблизившись, Паркер заметил, однако, что человек этот не только кивал, но и с напряженным вниманием смотрел попеременно то вверх, то вниз. Он словно следил за интереснейшим теннисным матчем на площадке, которую по ошибке разместили в вертикальной плоскости.

— Гуд ивнинг, мистер Гопкинс! — произнес Буттерворт и слегка поклонился.

— Гуд ивнинг, сэр,— пробормотал человек недовольно и прошагал мимо, ни на секунду не прерывая своего странного кивания.

— Что с ним? — участливо спросил Паркер у своего друга Буттерворта.— Хронический киватит или какой-то невроз?

— Ничего подобного,— прошептал Буттерворт, незаметно оглядываясь на Гопкинса,— профессиональная привычка. Он работает в министерстве труда и с утра до вечера следит за растущим числом безработных, то за падающим биржевым курсом акций.

Мать советует дочери, только что вышедшей замуж:

— Деточка, хочу дать тебе добрый совет: никогда не спорь с мужем. Сразу плачь!

●

Владелец микролитражки везет приятеля.

— Скажи, а что это за каменная стена, вдоль которой мы едем?

— Это не стена, это тротуар!

●

— Мой брат на школьных соревнованиях пробежал два километра за минуту.

— Не ври! Это же лучше, чем мировой рекорд!

— Но брат знает короткий путь.

●

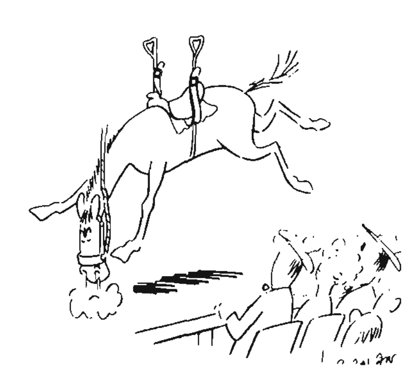
— Ничто так не повышает культурный уровень, как телевидение.

— Серьезно?

— Да. Например, как только у меня дома кто-нибудь включает телевизор, я сразу иду в другую комнату и читаю.

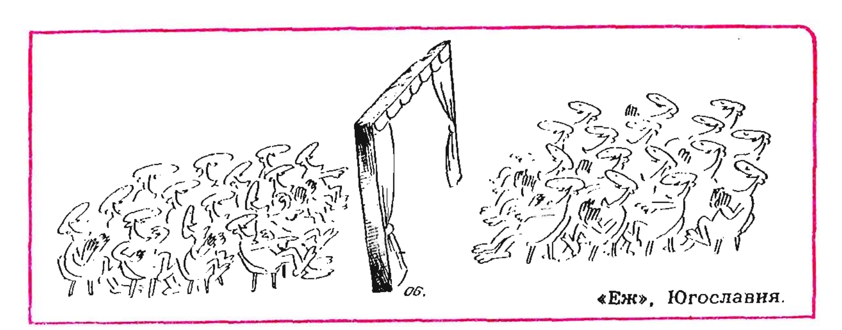

«Сатердей ивнинг пост», США.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

«Еж», Югославия.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Молодожен беседует со старым другом.

— Как ты думаешь, старина, сколько потребуется времени, чтобы приучить жену к безоговорочному повиновению?

— Дорогой мой! Я не настолько стар, чтобы знать ответ на этот вопрос. Ведь я женат всего лишь сорок семь лет!

●

— Если ремонт в твоей квартире уже закончился, то что там делает ремонтная бригада?

— Трудится в счет будущего года.

Людвик Ежи КЕРН (Польша)

ПЕРЕПЕЛКА

(ПАРАФРАЗ НАРОДНОЙ ПЕСЕНКИ)

Улетела перепелка в просо,
А я, бедный, я — за нею босый!
Потому что я купил сандалии,
А подметки за два дня отстали.

Улетела перепелка в рощу,
А я, бедный, я —
за ней на ощупь!
Потому что ночь чернее сажи,
А фонарик?.. Нет его в продаже.

Улетела перепелка в долы,
А я, бедный, я — за нею голый!
Потому что пуговки слетели
И костюм не держится на теле.

Улетела к речке перепелка,
А я, бедный,— сивый, бурый,
желтый,
Потому что дождик поливает,
А мой зонтик под дождем
линяет.

Улетела перепелка в жито,
Пташку ту попробуй
удержи ты...
Вот ведь как: успехи
птицеловли
Иногда зависят от торговли!

Перевел Н. Лабковский.

Возле пьяного, который свалился с третьего этажа, столпились люди.

— Что случилось? — спросил, подбегая, полицейский.

— Не знаю,— сказал пьяный, вставая и отряхиваясь.— Я сам сюда только что попал.

●

Отец-адвокат:

— Джек, если мама спросит тебя, сколько я выпил виски, то ты скажи...

Мальчик:

— Врать я не буду, но на основании существующих между нами родственных связей я могу отказаться давать показания.

●

— Для археолога сто лет — это короткий промежуток времени.

— О боже! А я вчера дала взаймы знакомому археологу две тысячи злотых!

●

Два джентльмена встречаются на палубе корабля.

— Ужасная скука, сэр,— говорит один.— Не хотите ли сыграть в карты?

— Я бы рад, сэр, но, увы, последний раз я играл пятнадцать лет назад.

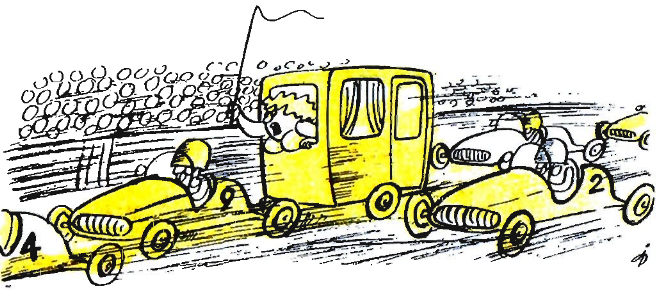
— Ничего страшного, я — двадцать лет назад. Стюард, подайте колоду карт.

Стюард приносит карты. Первый берет колоду, взвешивает на ладони и говорит:

— Одной карты не хватает.

Второй тоже прикидывает колоду на ладони и уточняет:

— Восьмерки пик.

«Рогач», Чехословакия.

№ 31 (2005)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жарнков, Н. Лисогорский, Ю. Степанов, В. Тамаев, Ю. Черепанов.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 8/X 1971 г. А 11131. Подписано к печати 29/X 1971 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1 завод: 1 — 3 625 000). Изд. № 1978. Заказ № 2027.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

— Ничего, что ты у меня маленький,
зато все остальные заметно подросли!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА